

КОМ СТАНЮКОВИЧ

ПОД ПЕРЕКЛАДОМ

Константин Михайлович Станюкович

Жрецы

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 ноября 2002 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136621

*К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 2:
Издательство «Художожественной литературы»; Москва; 1988*

Аннотация

Действие романа «Жрецы» происходит в среде профессоров и преподавателей Московского университета пореформенной России.

Содержание

I	4
II	17
III	28
IV	42
V	51
VI	59
VII	67
VIII	75
IX	90
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Константин Михайлович Станюкович Жрецы

I

Был первый час на исходе славного солнечного морозного декабрьского дня.

В скромно убранной столовой маленького деревянного особнячка, в одном из переулков, прилегающих к Пречистенке, за небольшим столом, умело и опрятно сервированным, друг против друга сидели за завтраком муж и жена: Николай Сергеевич Заречный, тридцатипятилетний красивый брюнет, профессор, лет восемь как подающий большие надежды в ученом мире, и Маргарита Васильевна, изящная блондинка ослепительной белизны, казавшаяся гораздо моложе своих тридцати лет, похожая на англичанку и необыкновенно привлекательная одухотворенным выражением строгой целомудренной красоты своего художавого, словно выточенного, энергичного лица. Светло-русые волосы были гладко зачесаны назад и собраны в коронку на красиво посаженной, гордо приподнятой голове.

Ткань черного шерстяного лифа обрисовывала стройный

стан и тонкую, как у молодой девушки, талию. Воротник белоснежного рюша обрамлял шею. На маленькой тонкой руке одиноко блестело обручальное кольцо.

Профессор весь был поглощен завтраком.

Накануне он вернулся домой поздно и в несколько веселом настроении с какого-то ученого заседания, окончившегося, как водится, ужином в «Эрмитаже» и шумными и горячими разговорами о том, что скверно живется. Встал он в двенадцатом часу и сел завтракать позже обыкновенного. В два часа Николай Сергеевич должен был поспеть в университет и потому, наскоро проглотив рюмку водки, он торопливо и молча принялся за огромный кровавой сочный бифстекс, предварительно облюбовав его глазами, загоревшимися плотоядным огоньком чревоугодника.

Он ел с жадностью человека, любящего покусать, но у которого нет времени свершать культ чревоугодия как бы следовало, не спеша, и громко чавкал среди тишины, царившей в столовой, по временам смолкая, чтобы выпить из большого бокала пива.

Жена почти ничего не ела.

Серьезная и, казалось, сосредоточенная на какой-то мысли, она лениво отхлебывала из маленькой чашки кофе и по временам взглядывала на мужа.

И эти взгляды серых вдумчивых глаз, осененных длинными ресницами, светились не любовью и не лаской, а холодным, внимательным выражением бесстрастного наблю-

дателя, казалось, не столько взволнованного, сколько заинтересованного любопытным открытием; точно объектом наблюдения молодой женщины был посторонний человек, а не этот, близкий ей по праву, плотный, широкоплечий, здоровый красавец брюнет в своем потертом вицмундире, с крупными и мягкими чертами несколько полноватого и жизнерадостного лица, отливавшего румянцем, с черной как смоль гривой волнистых волос, закинутых небрежно назад и оставляющих открытым высокий большой лоб, несколько полысевший у висков, с кудрявой бородой и пушистыми усами, из-под которых сверкали ослепительно белые зубы.

Заречный был бесспорно хорош, и вся его крупная фигура невольно обращала на себя внимание. Недаром же на его талантливые публичные лекции всегда собиралось множество дам и девиц, желавших взглянуть на этого чернобрового, румяного красавца профессора, приятный и звучный тенорок которого так ласкал слух.

А между тем лицо его казалось теперь Маргарите Васильевне далеко не таким смелым и умным, с печатью дара божия на челе, каким два года назад и еще недавно, совсем недавно... Она точно смотрела на него другими очами и видела в нем что-то самоуверенное, грубоватое и пошловатое, чего не замечала раньше или, быть может, не хотела замечать.

А теперь ей точно хотелось все распознать в своем муже, и она с каким-то злорадным мужеством смелого человека,

наказывающего себя за обманутые ожидания, старалась подметить всякую черту, подтверждавшую ее новое откровение.

Как она наказана за свою уверенность, что хорошо узнает людей. Какой туман тогда нашел на ее глаза?

И в голове ее невольно пронеслось все то, что было два года тому назад и в эти два года...

Ей было двадцать семь лет, она повидала свет и людей, когда приехала в Россию сперва на холеру, а потом к тетке в Москву из-за границы, где доканчивала свое образование после высших курсов в Петербурге. Она ехала на родину, чтоб осмотреться, добыть себе кусок хлеба и найти интересных и значительных людей, которых она напрасно искала раньше в Петербурге, и в Париже, и в Женеве среди разных кружков. Ухаживателей было много, но особенно интересных, которые заставили бы молодую девушку отдать свою душу и вместе работать, никого. В Москве благодаря тетке она познакомилась с интеллигентными кружками и не нашла своего героя среди многочисленных поклонников, в числе которых был и Заречный. Никто ей не нравился, никто не заставлял сильнее биться ее сердце, никто не отвечал на ее запросы: что делать? как жить?

Она отыскала себе переводную работу, занялась благотворительною деятельностью, часто встречалась с Заречным и остановила свое благосклонное внимание на молодом, блестящем профессоре, о котором тогда говорила Москва.

Она не любила его, но он ей казался интереснее, умнее

и смелее других. Он так горячо уверял, что души их родственны, так искренне звал на совместную трудовую жизнь и борьбу и вдобавок так сильно любил ее, что она после года колебаний согласилась быть его женой, далеко не увлеченная им, не охваченная страстью. Боязнь остаться старой девой и нажать себе неврастению и страстный темперамент сдержанной и целомудренной натуры немало повлияли на ее решение. Она не обманывала себя иллюзиями безбрачного подвижничества и понимала риск замужества без той любви, о которой мечтала. Но Заречный казался ей вполне порядочным человеком, и, давая ему слово, она добросовестно дала и себе слово сделать его счастливым и быть ему верным другом и помощницей.

И она сдержала свое обещание, и если не любила, то уважала мужа. Он был знающим, талантливым профессором, его любили студенты, он занимался каким-то исследованием, часто в беседах говорил горячие речи о долге общественного человека, и в эти два года никакая серьезная размолвка не нарушала их счастья. Он по-прежнему безумно любил свою Риту, она охотно позволяла себя любить. Они, казалось, понимали друг друга и были одной веры, и Маргарита Васильевна прощала мужу и его лень и его недостатки, казавшиеся ей неважными в сравнении с его достоинствами.

Маргарита Васильевна окончила кофе, отодвинула чашку и снова взглянула на мужа.

«Как он противно ест, совсем как животное!» — мыслен-

но проговорила она и как-то брезгливо поджала свои тонкие губы.

Она переводила взгляд и подвергала беспощадной критике и жадное чавканье мужа, и его довольное лицо, и его вицмундир, и сбившийся набок узкий черный галстух, и красноватые пухлые руки с лопатообразными плоскими пальцами и не совсем опрятными ногтями, и его сочные, чувственные губы.

И вдруг краска прилила к ее лицу и покрыла румянцем нежную белую кожу ее щек.

Она вспомнила, что еще несколько часов тому назад эти самые сочные губы, от которых пахло вином, грубо и властно целовали ее уста. И она не противилась, и сама отдавалась этой ласке.

При этом воспоминании молодую женщину охватило чувство стыда, негодования и злобы против мужа, и она продолжала с еще большею беспощадностью развенчивать его. Он был в ее глазах грубый, чувственный человек, не способный тонко чувствовать. Он не убежденный человек, каким высокомерно себя считает, а такой же фразер, как и многие другие. Для него, в сущности, дорого только свое «я» и собственное благополучие. Он – тщеславный, лживый и самолюбивый эгоист, умеющий прикрываться блеском фразы.

Николай Сергеевич окончил свой завтрак, посмотрел на часы и потом на жену. Взоры их встретились. В его глазах, добродушных и веселых, светилась такая преданная любовь, такая нежность, что Маргарита Васильевна была обезоружена, и взгляд ее невольно смягчился.

А Николай Сергеевич между тем не без горячности воскликнул, удовлетворенно отодвигая от себя пустую тарелку:

– А у нас черт знает что творится, Рита. Вчера мы долго об этом говорили за ужином...

– Вы только и делаете, что говорите да ужинаете! – про-

молвила она с нескрываемой насмешкой. – В этом, кажется, и проявляется вся ваша смелость.

Заречный удивленно посмотрел на жену. Таких речей он никогда не слышал от нее.

И, оскорбленный в своем самолюбии, проговорил не без иронической нотки в голосе:

– А что же ты нам прикажешь делать, Рита?

– Разве вы сами, жрецы науки, не додумались? – так же иронически переспросила молодая женщина.

– Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Я хочу сказать, что недостойно взрослых людей болтать за ужинами, повторяя одни и те же жалостные слова.

– Ты, Рита, не думаешь, что говоришь!.. – воскликнул он порывисто. – Разве я сделал что-нибудь такое, за что можно краснеть? Разве я принимаю какое-нибудь участие в том, что у нас творится?..

– Этого только недоставало, чтоб ты принимал участие!.. Тогда... тогда...

Она на секунду запнулась.

– Что тогда?..

– Я давно бы оставила тебя.

– Без всякого сожаления? – спросил профессор.

– Без малейшего! – проронила молодая женщина.

Он ушел, взволнованный и огорченный.

Прошла легкой, грациозной походкой и Маргарита Васильевна в свой кабинет, чистенький, со светлыми обоями и камельком, в котором слегка шипели угли.

Небольшой письменный стол в углу, два большие шкапа с книгами, хорошая литография мурильевской мадонны, несколько портретов любимых писателей, иностранных и русских, цветы на окнах с белоснежными занавесками, маленькая оттоманка, два кресла, этажерка с букетиком искусственных парижских цветов – все это имело уютный вид гнездышка, свитого женской умелой рукой, и в то же время свидетельствовало о серьезных занятиях хозяйки.

Она присела на оттоманку и задумалась, вспоминая только что бывшее объяснение. Она не отказывалась от своего мнения о муже, но она почувствовала жалость к нему и признавала себя виноватой перед ним.

Зачем она вышла за него замуж? Зачем?

И он так безумно любит ее, а она теперь едва его выносит. Не потому ли она так беспощадна к нему, что не любит мужа и никого еще не любила?

А может быть, он и искренне убежден в том, что оставаться среди нечестивых – подвиг, а не трусость? Он так горячо говорил.

– Нет... Это ложь, ложь! – прошептала она.

Как же ей поступить? Оставить его, и чем скорее, тем лучше?

Она испугалась пришедшей вслед за тем мысли. Он ведь говорил, что не может жить без нее. И пожалуй, сдержит слово. Имеет ли она право губить чужую жизнь?

И молодую женщину снова охватила жалость к человеку, который так ее любит и в любви которого виновата и она. Будущее казалось ей безнадежным. Никого близкого, с кем можно бы поговорить.

– Одна... одна... Всегда одна! – тоскливо проронила она...

И слезы незаметно катились из ее глаз.

В третьем часу Маргарита Васильевна, по обыкновению, собралась навестить свой участок по делам попечительства и потом заехать к Аглае Петровне Аносовой, богатой интеллигентной купчихе, поговорить об одном деле, которое с недавнего времени занимало ее мысли, и привлечь ее к задуманному предприятию. Она охотно жертвовала на разные полезные дела, и Маргарита Васильевна почти не сомневалась в том, что Аносова, узнавши подробный план, не откажется помочь этому делу.

Настроение, в каком находилась Маргарита Васильевна, побуждало ее ехать сегодня же к Аносовой. Заречная хоть и не была с ней знакома, но несколько раз встречалась с ней

и знала ее по репутации. Наверное, она не удивится цели ее посещения. Она женщина умная, понимает людей и не станет вилить, а скажет прямо. Таким образом, можно сегодня же узнать: устроится ли скоро дело, которое Маргарита Васильевна считала серьезным и стоящим, чтоб ему посвятить свои силы.

Переводная и компилятивная работа не удовлетворяла молодую женщину, и вдобавок приходилось переводить иногда глупости, а то, что ей нравилось, редактор часто не одобрял, ссылаясь на времена и на разные циркуляры.

Не удовлетворяла ее и та благотворительная деятельность, которой она усердно отдалась, имея много свободного времени и посещая разные подвалы и трущобы, где знакомилась с нищетой в разных ее проявлениях, сознавая, что не помочь грошовыми подачками несчастным людям.

Ей хотелось какого-нибудь большого, хотя бы и благотворительного дела, уж если женщине заказаны другие пути...

Она уже надевала принесенную ей в кабинет каракулевую шапочку, когда до ее ушей долетел звук электрического звонка, и вслед за тем вошла молодая горничная Катя и доложила:

– Прикажете принимать? Я сказала, что вы собираетесь уходить, а господин сказал, что он на минутку... Вот и карточка ихняя! – прибавила она, подавая карточку.

Маргарита Васильевна взглянула на карточку и чуть не вскрикнула от изумления:

– Принимать, принимать! Просите сюда, ко мне, Катя.

И молодая женщина торопливо сняла шапочку и перчатки, взглянула на себя в зеркало, оправила волосы и опустилась на оттоманку, ожидая с радостным чувством нежданного гостя, Василия Васильевича Невзгодина, самого близкого ее московского приятеля и когда-то преданного и любящего поклонника, влюбленного в нее по уши, делавшего ей два раза предложение и скрывшегося за границу, как только она дала слово Заречному.

Она предпочла блестящего профессора этому милому, но беспутному малому с неустановившимися взглядами, без определенной профессии, с злым языком и добрейшим сердцем, который, вдобавок, был на три года моложе ее и казался ей больше товарищем, чем претендентом.

С тех пор Невзгодин не подавал о себе никаких вестей, точно канул в воду.

Маргарита Васильевна о нем справлялась и получила известие, что он в Париже серьезно занимался химией. Затем недавно до нее дошел слух, будто бы Невзгодин написал повесть, которая скоро появится в одном из толстых журналов.

II

– Здравствуйте, Маргарита Васильевна! Не пугайтесь, я не задержу вас... Вы собирались куда-то уходить... Только взгляну на вас и исчезну!

Голос Невзгодина звучал весело и радостно, и в этом голосе было что-то располагающее и искреннее.

Он крепко, по-товарищески, пожал Маргарите Васильевне руку и, улыбаясь, прибавил:

– Я объевропеился и совлек с себя московский халат. Не буду мешать вам... В самом деле, уезжайте... Я как-нибудь в другой раз заверну. Скажите только, как поживаете? Надеюсь, хорошо?

– Садитесь, Василий Васильич... Я так рада вас видеть, что с большим удовольствием останусь дома, – говорила Маргарита Васильевна, ласково оглядывая Невзгодина. – А в самом деле, вы объевропеились, как говорите... Стали франтом... В вас и не узнать прежнего богему на московский лад.

– Отрицавшего приличный костюм и носившего русские рубашки? – прибавил Невзгодин. – У нас, в Париже, нельзя, как вы знаете, отрицать такое видимое отличие цивилизованного человека от мизерабля... ¹ Никуда не пустят... Ну, я и приучился иметь про всякий случай новый редингот и

¹ низшего (от фр. miserable)

стричь волосы, чтобы не пугать парижских гаменов...² Хотя к самой генеральше Дергачевой с визитом. Помните, как она делила людей по костюму на приличных и «мовежанрных»³, как она выражалась?

Действительно, модный редингот с бархатным воротником и шелковыми отворотами сидел отлично на Невзгодине. Широкий галстух, стоячие воротники белоснежной белизны, модный цилиндр, ботинки с широкими носками – одним словом, все как следует, чтобы иметь вид вполне прилично-го джентльмена.

И сам он, невысокий, сухощавый и стройный, с тонкими чертами живого, беспокойного лица, бледного и болезненного, с карими, острыми и смеющимися глазами, глядел изящным интеллигентом, в котором чувствуется и ум, и тонкость деликатной натуры, и темперамент. Каштановые волосы стояли «ежиком» на кругловатой голове с большим открытым лбом, рыжеватого оттенка борода подстрижена, маленькие усики прикрывали тонкие, несколько искривленные губы, придававшие физиономии Невзгодина саркастический вид. В общем что-то мефистофелевское и в то же время располагающее.

– Вас не только к генеральше Дергачевой, а в самый первый салон можно повести, Василий Васильевич. Какая разница с тем невозможным, который был на холере.

² уличных мальчишек (от фр. gamin)

³ невоспитанный, дурного тона (от фр. mauvais genre, буквально: дурного сорта)

Они познакомились во время холеры в Саратовской губернии. Маргарита Васильевна приехала туда из Парижа, а Невзгодин из Москвы.

— В костюме разве... А я все такой же, каким был и тогда... Подучился только за два года да больше опыта понабрался.

— Еще бы... Ну, рассказывайте о себе. Давно приехали?

— Сегодня...

— И надолго?

— А не знаю... Как поживется. Подыщется ли подходящая... работа. Ведь я, как знаете, из бродяг... Люблю новые впечатления.

— Что же вы делали в Париже?

— Учился, получил диплом, гулял по бульварам, давал уроки русского языка взрослым французам и французского маленьким соотечественникам. Много читал, ну и...

— И что?

— Случалось, покучивал...

— В веселой компании, конечно?

— Хуже: один... в минуты хандры, знаете ли, русской хандры, нападающей на человека, желающего поймать луну и сомневающегося в такой возможности...

— Говорят, вы и повесть написали?

— И в этом грешен, Маргарита Васильевна. Написал, и даже целых три. Решился послать только одну... Кроме того, два мемуара по химии напечатал во французском журнале.

– Вот вы какой усердный стали... А как называется ваша повесть?

– «Тоска»...

– «Тоска»?.. Какое странное название... Тоска по ком-нибудь?

– Об таких пустяках не стоит писать! – усмехнулся Невзгодин. – Я люблю, ты любишь, он любит... Вариации на тему об Адаме и Еве... Скучно!

Маргарите Васильевне почему-то неприятен был этот шуточный тон.

«Как он скоро излечился от своей любви. А как тогда говорил!» – пронеслось у нее в голове.

– Так, значит, в вашей повести тоска по чем-нибудь?

– Да... Вот скоро прочтете... Обещали в январе напечатать.

– А раньше... У вас нет разве копии с оригинала?

– Есть. Я несколько раз переписывал рукопись.

– Так прочитайте, пожалуйста. Мне очень интересно будет послушать.

– Извольте... Только, надеюсь, вы не устроите литературного вечера?

– Я буду единственной слушательницей. Ну, а еще что было за эти два года?

– Я женился.

– Вы? – удивленно спросила Маргарита Васильевна и, казалось, не была довольна этим известием.

– Родить детей ума кому не доставало? – засмеялся Невзгодин. – Впрочем, у меня нет их.

– Когда же вы женились?

– Год тому назад...

– И жена с вами приехала?

– Нет, осталась за границей. Мы через шесть месяцев после свадьбы разошлись с ней!

– И вы так спокойно об этом говорите?

– Недостаточно радуюсь, вы думаете, Маргарита Васильевна, что впредь не так-то легко могу повторить эту глупость?..

– Зачем же вы тогда женились?

– Зачем люди, и в особенности русские, иногда совершают необъяснимые никакой логикой поступки?.. Мне думается, что я женился по той же причине, по которой покупал... Хотел переменить положение... посмотреть, что из этого выйдет... Ну, и не вышло ничего, кроме отчаянной и еще большей скуки жить с человеком, с которым у вас так же мало общего, как с китайцем...

– Вы разве раньше этого не видели? Или настолько влюбились, что были ослеплены? Она, верно, француженка? – допрашивала Маргарита Васильевна с жадным любопытством человека, положение которого отчасти напоминает положение другого.

– Чистейшая русская и даже москвичка. По правде говоря, я даже не был настолько влюблен, чтобы быть в ошале-

лом состоянии. И не скрывал этого. Да и она, кажется, была в таком же точно положении и вышла за меня больше для удобства иметь мужа и не жить одной в меблированных комнатах... Ну, и притом вдова, тридцать лет... Учится медицине, оканчивает курс и скоро приедет сюда. Очень дельная и по-своему неглупая женщина... Наверное, сделает карьеру и будет иметь хорошую практику.

– И хороша?

– Очень... Знаете ли, тип римской матроны, строгой и несколько величественной, гордой своими добродетелями, с предрассудками, прямолинейностью и некоторой скаредностью дамы купеческой закваски и горячим темпераментом долго вдовевшей здоровой особы. Непокойная богема по натуре, как я, и такая непреклонная, строгая поклонница умеренности, аккуратности и накопления богатств по сантимам. Что получилось в результате от такого соединения? Месяц-другой скотоподобного счастья, и затем взаимная неприязнь друг к другу... ряд раздраженных колкостей и насмешек – с одной стороны, и строгих, принципиальных и методичных нотаций – с другой, с прибавкой подчас обвинений ревнивого характера, если я не был в нашей квартирке в одиннадцать часов вечера... А я, признаться, редко приходил к сроку... Ну, и в один прекрасный день за утренним кофе мы откровенно сознались, что оба сделали глупость и только мешаем друг другу готовиться к экзаменам, и порешили разойтись в ближайшее воскресенье, когда жена могла

не идти в клинику. Разошлись мы по-хорошему, без сцен и без упреков, – словом, без всяких драматических осложнений... Напротив. Она простерла свою внимательность до того, что сама уложила мое белье и платье, предоставив моему попечению одни только книги и взяв с меня слово принять вину на себя, если она захочет повторить глупость, то есть выйти опять замуж, «но, конечно, за более основательного человека», – любезным тоном прибавила она. С тех пор мы и не видались. Ну, вот я и кончил свою одиссею, стараясь не особенно злоупотреблять вашим вниманием. Позволите закурить?

– Пожалуйста...

– Ну, а теперь мой черед, Маргарита Васильевна, допросить вас. Позволите?

– Позволю.

– Вам как живется? Я слышал, недурно?..

– И не особенно хорошо! – произнесла молодая женщина.

Невзгодин взглянул на Маргариту Васильевну и заметил что-то сурово-страдальческое в ее лице.

«Видно, раскусила своего благоверного», – подумал он и, осведомившись из любезности об его здоровье, продолжал:

– Только сытым коровам нынче хорошо живется, Маргарита Васильевна, а людям, да еще таким требовательным, как вы, трудно угодить... Ищете по-прежнему оригинальных людей? Много работаете? – деликатно перешел он на другую тему.

– Бросила искать. Их так мало среди моих знакомых. Кое-что перевожу... Читаю.

– Бываете в обществе?

– Бываю, но редко... Мало интересного... Дома спокойнее, хоть и в одиночестве.

– А Николай Сергеич?

– Он редко по вечерам дома. Заседания, комиссии... Я более одна.

– Значит, набили вам оскомину московские фиксы, Маргарита Васильевна?

– И как еще.

– Видно, они такие же, что и прежде! Чай с печеньем, невозможная толпа приглашенных в маленьких комнатах, какой-нибудь приезжий «гость» в качестве гвоздя, изредка певец или певица для разнообразия, сплетни и самые оптимистические административные слухи и, наконец, объединяющий ужин и за ним обязательно речи, и иногда длинные, черт возьми, речи, и всегда с гражданским подходом... Сперва тост за «гостя», который... и так далее, потом за «честного представителя науки», который... и так далее, за «мастера слова», за «жреца искусства» – одним словом, кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. Иван Петрович великий человек и Петр Иванович тоже великий человек, и, чтоб никому не было обидно, всем по тосту и по «великому человеку» белым или крымским вином... Знаю я эти фиксы... Узнаю свою милую Москву... Любит она таки по-

болтать и покушать...

– Эта болтовня с цивической ⁴ окраской и противна...

– Отчего?.. Мне так она прежде нравилась. По крайней мере, люди приучаются говорить.

Невзгодин стал прощаться.

– И то вместо минутки час просидел, а мне еще надо в одно место.

– Ну, не удерживаю... Приезжайте опять, да поскорей... вечером как-нибудь. Мне еще надо обо многом с вами переговорить... Я тут одно дело затеваю... И вообще, надеюсь, мы, как старые друзья, будем часто видеться.

– Я бы не прочь, да боюсь, Маргарита Васильевна.

– Чего?

– Как бы старое не вернулось. Рецидивы, знаете ли, бывают при лихорадках! – шутливо промолвил Невзгодин.

– И как вам не надоест всегда шутить, Василий Васильич... Зачем вы этот вздор говорите?.. Кокетничаете?.. Так вы и без кокетства милый старый приятель, которого я всегда рада видеть... Что было, то не повторится... Так навещайте... С вами как-то приятно говорить.

– За то, что речей не говорю?

– И за это, а главное – за то, что вы не топорщитесь... не играете роли. Такой, как есть.

– Один из беспутнейших россиян, как вы прежде меня называли. Помните?

⁴ гражданской, общественной (от лат. civilis)

– Мало ли, что я прежде говорила... Вот вы беспутный, а работали-таки много... в Париже.

– И женился даже. Ну, до свиданья... Когда к вам можно?

– Да хоть завтра вечером.

– Не могу, я на юбилее Косицкого. Хочу всю Москву видеть. Да и юбиляра стоит почтить – премилый человек! А вы разве не собираетесь? Поедьте, Маргарита Васильевна. Я заеду за вами. Идет?

Она согласилась, но просила не заезжать. Она приедет с мужем.

– А за обедом сидеть будем рядом, Василий Васильевич. Займите места.

Невзгодин еще раз пожал руку хозяйке и откланялся.

Дорогой, плетясь на санях, Невзгодин думал о Маргарите Васильевне.

Он находил, что она очень похорошела с тех пор, как вышла замуж, и стала еще обворожительнее, как женщина. Но думал он об этом совсем объективно. Красота Маргариты Васильевны уж не влекла к себе, как прежде, когда он безумствовал от любви. Теперь он может быть с ней таким же приятелем, каким был на холере, оставаясь совсем равнодушным к ее женским чарам. Она славный человек, и с ней нескучно и без ухаживания, что большая редкость. Он непременно будет ее навещать, и часто.

«Да, видно, любовь в самом деле не повторяется!» – думал Невзгодин. А как он ее тогда любил! Целых два года не мог

отделаться от этой любви, и вот теперь совсем не жалеет, что она ему отказала. Жаль только бедняжку, она несчастлива, конечно, с Заречным.

И Невзгодин удивлялся тому, что Маргарита Васильевна живет с человеком, которого, очевидно, не любит и не уважает и все-таки остается его женой. Видно, в самом деле, даже и в самых порядочных женщинах животное дает-таки себя знать, и они прощают такому красавцу, как Заречный, то, что не простили бы самому гениальному человеку, будь он дурным мужем.

Это возмущало Невзгодина, и он обвинял Маргариту Васильевну за то, что она не бросает мужа.

– Это свинство! – проговорил вдруг вслух, охваченный негодованием, Невзгодин. – Свинство! – повторил он.

– Что, барин? – спросил его извозчик.

– Поезжай, ради бога, скорей! – отвечал Невзгодин.

III

– Аглая Петровна дома?

– Дома, пожалуйста.

И молодой, пригожий и приветливый лакей в опрятном синем полуфраке с золочеными пуговицами, открывший широкие двери подъезда небольшого двухэтажного особняка, стоявшего в глубине двора, отделенного от улицы бронзированной решеткой, – пропустил зазябшую на морозе Заречную в большие теплые сени, где в камине ярким пламенем горели, потрескивая, дрова.

Он снял с ее плеч ротонду на длинношерстных черных тибетских барашках и нагнулся снять калоши, но его попросили не беспокоиться.

– У Аглаи Петровны никого нет? – спросила Заречная, останавливаясь перед зеркалом, чтобы оправиться.

– Никого-с. Извольте подняться наверх. Барыня у себя в кабинете. Как прикажете доложить?

Маргарита Васильевна дала свою карточку и поднялась вслед за лакеем по широкой, устланной ковром лестнице. Большие кадки с тропическими растениями стояли на площадке по бокам громадного простеночного зеркала.

Лакей распахнул двери в зал, провел гостью в соседнюю гостиную и скрылся за портьерой.

Заречная присела на маленький диванчик и любопытно

оглядывала эту большую, застланную сплошь ковром, комнату с роскошной, обитой зеленым шелком мебелью, с изящными столами, столиками и уютными уголками за трельяжами, и с несколькими картинами, в которых сразу признала художественные произведения большого достоинства. Каждая вещь в гостиной, начиная от лампы и кончая крошечной севрской вазочкой на столике, отличалась изяществом и тонким вкусом. Все ценное, но ничего грубого, крикливого у этой внучки ярославского крестьянина, миллионерши Аглаи Петровны Аносовой, купеческой вдовы, известной своей щедрой благотворительностью, умом, красотой и строгими нравами.

Самые злые языки не смели бросить малейшую тень на ее репутацию. Никто не мог назвать ни одного любовника в течение пятилетнего вдовства Аносовой. Недаром же ее прозвали «бесчувственной бабой», удивляясь, что она отказывала нескольким женихам из богатейшего купечества и из представителей родовитого дворянства, в числе которых был даже один красавец рюрикович, и, казалось, нисколько не тяготилась своим добровольным вдовством в полном расцвете пышной красоты женщины тридцати трех лет, занятая и удовлетворенная, по-видимому, благотворительностью да своими большими торговыми делами, которые вела сама с умением и деловитостью, вызывавшими невольное удивление.

Тяжелая штофная портьера колыхнулась, и из-за нее вышла, направляясь к госте неспешной и уверенной, слег-

ка плывущей походкой, слегка прищуривая черные бархатистые глаза, ласковые и приветные, ослепительной красоты, высокая, статная брюнетка, с черными как смоль волосами, гладко зачесанными назад, в скромном шерстяном черном платье, безукоризненно сидевшем на ней, белая, свежая и румяная, с роскошными формами красивого бюста.

Бриллиантовые крупные кабошоны сверкали в ее розоватых ушах; из-под узкого рукава виднелась золотая цепь *porte-bonheur*'а ⁵, и на мизинцах красивых, несколько крупноватых, холеных рук было по кольцу. На одном – большая бирюза; на другом – отливавший кровью рубин.

– Очень рада вас видеть у себя, Маргарита Васильевна, – проговорила Аносова своим низковатым приятным голосом, протягивая поднявшейся гостье руку.

Она крепко пожала крошечную руку и, задерживая ее в своей широкой белой руке, протянула, слегка наклоняя голову, свои алые полноватые губы.

Дамы расцеловались.

Перед царственной роскошной фигурой Аглаи Петровны маленькая худощавая фигурка Маргариты Васильевны казалась еще меньше.

– Пойдемте-ка лучше ко мне. Здесь и холодновато и как-то неуютно. Для визитных гостей комната.

– А я к вам именно по делу! – поторопилась сразу же сказать Заречная, чтобы не подать повода к недоразумению.

⁵ браслета без застежки (фр.)

Аглая Петровна слегка улыбнулась, точно хотела сказать, что и не сомневается в цели визита, и сердечно прибавила:

— Какой бы ветер ни занес вас сюда, мне приятно вас видеть, Маргарита Васильевна. В моей клетушке и поговорим. Там никто нам не помешает. Пойдемте!

И Аглая Петровна повела гостью через соседнюю, маленькую голубую гостиную и другую комнату, убранную в восточном вкусе, в свою «клетушку», как она называла кабинет, в котором работала, принимала по делам и более интимных знакомых.

Маргарита Васильевна быстрым взглядом окинула клетушку.

Это была небольшая комната в два широких окна, пропускающих много света.

Черного дерева письменный стол у простенка имел строго деловой вид. Несколько конторских книг, исписанные цифрами ведомости и скромный письменный прибор. Большие счета с отброшенными костяшками и отставленное кресло на белоснежном пушистом мехе ангорской козы свидетельствовали, что Аглаю Петровну только что оторвали от работы. Лишь чудный букет из роз и ландышей несколько нарушал строгую деловую выдержанность убранства стола.

Зато вся остальная обстановка говорила о том, что хозяйка не только деловая женщина.

Полный книг большой библиотечный шкаф, бюсты Шелли, Байрона, Тургенева и Толстого на мраморных колонках,

марина Айвазовского, два жанра Маковского, фотографии с автографами разных «известностей» на мольберте и по стенам, уютный уголок с светло-серой мягкой мебелью вокруг маленького японского столика-этажерки, стол посредине с журналами и газетами, висячий фонарик и теплившаяся в углу лампадка пред образом божией матери – таково было убранство этой клетушки.

В ней было тепло и уютно. Тонкий аромат цветов приятно щекотал обоняние.

– Присаживайтесь сюда, Маргарита Васильевна, – указала хозяйка на маленький булевский диванчик и, отодвинув японский столик, на котором лежал желтый томик нового романа Золя, опустилась сама в кресло. – Снимите лучше шапочку, а то голове жарко будет. Прикажете угощать вас чаем? Вы ведь знаете, у нас, по купечеству, никаких дел без чая не делается! – прибавила в шутку Аглая Петровна, улыбаясь ласковою, широкою улыбкой и показывая ряд жемчужин-зубов.

Маргарита Васильевна от чая отказалась.

Она сняла шапочку и, встретив восхищенный взгляд Аглаи Петровны, любующейся тонкими чертами изящного, словно бы точеного, личика, смущенно и вместе с тем весело улыбалась.

– Так позвольте о деле? – проговорила она.

– Пожалуйста.

Несколько смущенная своим первым обращением за по-

мощью к малознакомой женщине, Маргарита Васильевна сперва не совсем твердо, торопясь и конфузясь, начала излагать сущность дела, о котором хлопотала. Но скоро это смущение прошло, тем более что Аглая Петровна слушала ее с большим вниманием, серьезно и деловито, слегка склонив голову и по временам ласково улыбаясь глазами, словно бы поощряя гостью не стесняться.

«Как с ней просто и легко!» – подумала Заречная.

И, вполне овладевши собой, она не спеша, толково и несколько горячо развивала свою мысль о необходимости устроить в Москве для бедного люда большой дом, в котором были бы хорошая библиотека, зал для устройства лекций и концертов, столовая и чайная.

– Мне кажется, я уверена, что это было бы хорошее дело. Конечно, такой дом не панацея ⁶ от нищеты, пьянства и разврата, но все-таки... Пример Москвы вызовет и другие города. Вы сочувствуете этой мысли, Аглая Петровна? – закончила вопросом молодая женщина и снова покраснела.

– Как не сочувствовать! Очень даже сочувствую вашей идее, Маргарита Васильевна, устроить у нас то, что в Европе давно есть. В Лондоне целый народный дворец завели. У меня есть последний отчет, дело идет хорошо. Вот и на моей фабрике рабочие стали меньше ходить по кабакам и меньше бить жен и ребятишек с тех пор, как мы завели там читаленку и открыли чайную. Управляющий говорил мне, что и

⁶ Всеисцеляющее средство (греч. panakeia)

прогулов меньше. И им и нам, хозяевам, лучше. Мысль ваша хорошая, что и говорить.

– Я была уверена, что найду в вас сочувствие! – воскликнула просиявшая от радости Заречная.

– Ну, это что! – промолвила с тихой усмешкой Аглая Петровна. – Ведь вы же не за одним сочувствием ко мне пожаловали, а за деньгами. Зачем же к нам, к богатым купчихам, и ездят, как не за деньгами! – прибавила она.

Маргарите Васильевне показалось, что грустная нотка прозвучала в этих словах. Ей сделалось неловко, но она все-таки храбро проговорила:

– Вы правы, Аглая Петровна. Я приехала, рассчитывая на вашу помощь.

Эта откровенность видимо понравилась Аносовой, по крайней мере прямо, без подходов.

И она заметила:

– Дело только затеяли вы большое... Оно пахнет сотнями тысяч. И наконец, разрешат ли такой дом?

– Отчего не разрешить? Мне кажется, что в этом препятствия не будет.

– Оптимистка вы, как посмотрю, Маргарита Васильевна!.. Ну, разумеется, попытаться следует.

И, с деловитостью практической женщины, неожиданно прибавила:

– А покупать дом невыгодно. Лучше самим выстроить. И непременно на Хитровом рынке.

– У меня и смета и устав есть! – весело проговорила гостья, вынимая из мешочка несколько листков.

– Вот как... Значит, горячо принялись. Сколько же по смете выходит?

– Много, Аглая Петровна... Двести тысяч.

Но цифра эта нисколько не испугала Аносову.

Она пробежала глазами смету и протянула:

– Не мало ли?

– Архитектор говорит: довольно.

– Уж если затевать дело, так основательно. Архитекторы часто ошибаются. А вы смету и устав позвольте оставить... Я подробно ознакомлюсь... И принять участие в этом деле я не прочь... Одной только мне трудно... На этот год у меня уж почти все деньги, назначенные на благотворительные дела, распределены. Тысяч пятьдесят могу.

Она проговорила эту цифру спокойно, точно дело шло о пяти рублях.

Заречная глядела на Аглаю Петровну восторженными и благодарными глазами. Эта цифра изумила ее. Она словно вся засияла и порывисто воскликнула:

– Вот начало уже и есть!

– Ишь вы засияли вся, Маргарита Васильевна. Видно, очень уж дорога вам ваша мысль?..

– Еще бы!

– И сами вы, конечно, надумали ее... Или муж?

– Сама. Читала, что делают в Европе. Думаю: отчего не

попробовать и у нас.

– А супруг одобряет?

– Я с ним подробно не говорила еще об этом! – ответила Маргарита Васильевна и невольно покраснела.

Аглая Петровна как будто еще ласковее взглянула на гостью после этих слов и весело сказала:

– Да и не надо путать мужчин. Бог с ними! Они и без того все захватили. Мы и без них обойдемся. Не правда ли?

– Конечно.

«А я-то думала: счастливая парочка!» – пронеслось в голове Аглаи Петровны, и она, словно подвергая экзамену свою гостью, спросила:

– А вы, Маргарита Васильевна, разве не побоитесь черной работы?..

– То есть какой?..

– А с этим домом!.. Например, заведовать им.

– Я этого только и желаю.

– Вот и отлично. Значит, и хозяйка дела будет хорошая.

– Прежде надо узнать, какая буду, а потом хвалить, – засмеялась Заречная.

– Да я ведь знаю, как вы в своем попечительстве работаете, и слышала, как вы два года тому назад на холере работали... Слышала. И как же мне нахваливал вас один господин!

– Кто это?

– Невзгодин, Василий Васильич. Ведь вы вместе на холере были?

– Да. А вы с ним знакомы?

– Этим летом в Бретани познакомились... Вместе в Сан-Мало на купанье были. Умный и интересный человек, только уж очень он представителей капитала не любит. Так громил меня, что страх. Однако не убедил меня раздать все свои богатства! – улыбнулась Аглая Петровна. – А вы знаете, ведь он женился. Я видела его жену. Студентка в Париже. Приезжала к нему на неделю.

– И уж разошелся с женой.

– Да? Он, кажется, не очень-то годится для семейного очага. Слишком независим и правдив... И она, его жена, мне не понравилась... Очень важничает своей медициной... Так Василий Васильич разошелся? Это верно? Откуда вы слышали, Маргарита Васильевна? – с живостью спрашивала Аносова.

– Он вчера мне сам говорил.

– Так он приехал? – вырвалось невольное восклицание у Аглаи Петровны.

И при этом неожиданном известии румянец алее заиграл на ее щеках, и радостный огонек блеснул в ее глазах.

Это не укрылось от Маргариты Васильевны.

«Невзгодин ей нравится!» – подумала она и ответила:

– Третьего дня приехал!

– И был у вас? – уже спокойно спросила Аносова.

– Да. Мы ведь старые приятели.

– Как же... Он говорил, каким был горячим вашим по-

клонником, Маргарита Васильевна.

– То было так давно... Два года тому назад, когда я не была еще замужем...

– А ко мне и не показался, хоть и обещал навестить, как вернется в Москву... Интересный человек... Не ломаный... Не боится говорить, что думает, и... такого не купить миллионами...

– Да... Хороший человек. Я его очень люблю! – спокойно проговорила Заречная.

– Он надолго сюда?

– Сам не знает... Богема.

– Да... Непутевый какой-то... Ну и язычок!.. – засмеялась Аглая Петровна.

Наступило молчание.

– Вот мужчина и отвлек нас от дела, – заговорила, смеясь, Аглая Петровна. – Ну их! Так я, говорю, не прочь дать пятьдесят тысяч, а остальные деньги надо собрать. Вы обращались еще к кому-нибудь?

– К вам к первой, Аглая Петровна. Других я никого не знаю, то есть не знакома...

– Это не беда; прямо поезжайте. И вас и мужа вашего знают в Москве.

– Я готова. Научите только, к кому ехать...

Аглая Петровна на минутку задумалась и потом назвала Измайлову и Рябининой.

– Эти, быть может, дадут. И деньги у них должны быть

свободные. Особенно у Дарьи Степановны Измайловой. Богата очень и все свои капиталы непроизводительно держит в бумагах и только купоны режет! – не без снисходительного презрения вставила Аносова. – Можно ей сказать, что я даю, тогда она вдвое даст. Завистливы мы на все... На этом часто попадаются неосновательные люди! – усмехнулась Аносова. – Только к ней вы лучше не ездите сами, а пошлите мужа...

– Отчего?

– Скорее даст, если попросит мужчина, да еще такой красавец, как ваш муж. Любила их много в молодости и теперь, на старости лет, любит на них поглядеть. Распущенный человек, хоть и доброго сердца, – пояснила Аглая Петровна. – В узде не умела себя держать... Ну, да это и нелегкое дело, особенно для таких богачек... Не трудно сломать себе шею, если бог ума не дал и нет правил в жизни, – строго прибавила она.

«Ты-то своей прелестной головы не ломаешь!» – невольно подумала Маргарита Васильевна, любуясь Аносовой.

– А к Рябинину непременно поезжайте сами...

– И этот распущенный? – брезгливо проронила Маргарита Васильевна.

– Любит старик красивых женщин... Но только не бойтесь... Он совсем приличный человек.

Заречная надела шапочку и поднялась.

– Быть может, и не по делу когда заглянете, Маргарита

Васильевна? – ласково пригласила Аносова.

– С большим удовольствием! – горячо проговорила гостья.

– Мы, кажется, сойдемся... Но только, конечно, не с визитом, а так... побеседовать... По вечерам я всегда дома и почти всегда одна. А вы когда свободны?

– Тоже по вечерам и тоже почти всегда одна.

Обе грустно улыбнулись.

Аглая Петровна проводила гостью через анфиладу комнат и, еще раз целуя Заречную, сказала:

– Сегодня, конечно, вы будете на юбилее?

– Буду.

– Так до вечера.

Аглая Петровна приветливо кивнула головой и, вернувшись в свою клетушку, присела за письменный стол и подавила пуговку электрического звонка два раза.

На зов явился старик артельщик, худощавый, опрятный, благообразный.

– Сейчас же поезжайте, Кузьма Иваныч, в адресный стол и справьтесь, где остановился дворянин Василий Васильич Невзгодин. Он третьего дня приехал из-за границы, верно, уже прописан. Фамилию, имя и отчество запишите. Да никому об этом не болтать! – толково, ясно, ласково и в то же время властно отдавала приказание Аглая Петровна.

– Слушаю-с! – отвечал артельщик и так же бесшумно ушел, как явился.

Аглая Петровна на минуту задумалась и, подавив вздох, принялась за поверку отчета по фабрике.

Костяшки так и прыгали под ее крупными белыми пальцами, нарушая тишину, царившую в клетушке.

IV

Для самолюбия мужчины в высшей степени больно и оскорбительно, когда в глазах любимой и притом умной женщины он теряет свой прежний ореол и представляется ей далеко не в том великолепии, в каком представлялся еще недавно.

В таком именно положении развенчанного героя и очутился, совершенно для себя неожиданно, молодой профессор после разговора с женой.

Если, впрочем, Николай Сергеевич по скромности и не претендовал на титул героя, — хотя, случалось, и не прочь был, грешным делом, погеройствовать на словах и пожалеть, что отечество не представляет благоприятной почвы для героических поступков, — то, во всяком случае, считал себя civicески безупречным общественным деятелем, разумеется, в пределах, не переступавших бесполезного донкихотства.

И, сравнивая себя с большинством своих коллег, Заречный не без некоторого права мог, как Нарцисс, любоваться собственною персоной и не находить серьезных оснований быть недовольным собой, подобно многим смертным.

Не напрасно же в самом деле он пользовался в Москве такую популярностью!

Его по справедливости считали блестящим профессором. Диссертация Заречного в свое время была признана ценным

вкладом в науку и составила ему в ученом мире имя. Затем он не опочил, по примеру товарищей, на лаврах, а писал, как все знали, большую книгу, несколько глав которой были напечатаны в одном из журналов и вызвали в свое время лестные отзывы. В интеллигентных кружках и среди молодежи на него смотрели как на одного из тех стойких и независимых жрецов науки, которые, по красноречивому выражению самого же Николая Сергеевича, «высоко держат светоч знания». Ни для кого не было секретом, что Заречный не разделяет взглядов большинства товарищей и держится в стороне от всяких дрызг и интриг. Он и сам не скрывал этого и, намекая на трудность своего положения, говорил о змеиной мудрости и о долге порядочного человека быть и одному воином в поле. Студенты, и особенно первокурсники, из более впечатлительных, превозносили Заречного и в его горячих тирадах, сопровождавших иногда лекции, слышали голос человека твердых принципов, слова которого не расходятся с делом. Его любили как необыкновенно мягкого, доступного и всегда приветливого профессора, принимавшего близко к сердцу студенческие беды. Публичные лекции Заречного, которые он читал с благотворительной целью, всегда привлекали массу публики и вызывали овации. Его звали в разные филантропические общества и кружки, считая участие Николая Сергеевича необходимым для успеха дела. Он признавался первым оратором в Москве, где, как известно, любят и умеют красиво говорить, и его речи и в собраниях и на тор-

жественных обедах слушались с благоговейным вниманием. Особенно носились с Заречным дамы. Они пропагандировали его славу, преклонялись перед ним, влюблялись в него, писали ему восторженные письма. В Москве ходили слухи, будто несколько лет тому назад, когда Николай Сергеевич еще был холостым, одна молодая интеллигентная купчиха, с огромным состоянием, покушалась на самоубийство, ввиду полнейшего равнодушия Николая Сергеевича к любви и миллионам этой хорошенькой психопатки декадентского пошиба, желавшей во что бы то ни стало сделаться женою модного красавца профессора.

Одним словом, Николай Сергеевич становился одним из тех излюбленных московских людей, которых обыкновенно называют не по фамилиям, как простых смертных, а лишь по имени и отчеству, и не зная которых так же предосудительно, как не зная Ивана Великого, Иверской, Царь-пушки и трактира Тестова.

Чувствительный к успехам и избалованный ими, Николай Сергеевич старался быть на высоте своей репутации и, отдавая всего себя на «общественное служение», как называл он свою разнообразную и действительно суетливую деятельность, отнимавшую много времени, не задумывался ни о том, насколько она плодотворна и полезна, ни о том, насколько ценна и заслуженна его популярность.

Да и некогда было.

Николая Сергеевича просто-таки «разрывали», и он, по-

льщенный общим вниманием и вдобавок мягкий по натуре, не отказывался и всюду поспевал, везде играл видную роль. Решительно не было в Москве такого ученого, благотворительного или даже увеселительного общества, в котором не участвовал бы Заречный в качестве председателя, члена комитета или просто члена. И везде он читал рефераты, делал сообщения, возражал и говорил речи: и в ученых собраниях, и в благотворительных комитетах, и в обществе грамотности, и в родительском кружке, и в педагогическом, и в артистическом, и даже в обществе велосипедистов.

Деятельность его, вызывавшая общие восторги, никогда не подвергалась серьезной критике, и Николай Сергеевич мог, казалось, с горделивым сознанием своих общественных заслуг, пребывать на высоте положения, на которую его вознесли.

И вдруг эти насмешливо-ядовитые слова, эти холодные взгляды сурового обвинителя.

И кто же этот обвинитель?

Самый дорогой для него на свете человек – боготворимая жена, сочувствием которой он особенно дорожил и так долго его добивался, бывши ее поклонником.

Положение было донельзя обидное и мучительное. Оно осложнялось еще грустным открытием, что эта женщина, в которую профессор до сих пор влюблен со слепым безумием чувственной страсти, – так мало любит его. Она так спокойно сказала, что бросила бы его не задумываясь, при извест-

ных обстоятельствах, – и он знал, что это не пустая угроза. Если бы она любила, то, разумеется, не была бы так беспощадна к мужу, будь он даже дурным человеком. Любимым людям женщины все прощают.

Правда, она не скрывала, что выходит замуж далеко не влюбленная и – как она выразилась – «взвесивши все обстоятельства». И она их перечислила с мужественной прямоотой, так что для Заречного не могло быть сомнения в том, что он для нее лишь умный, интересный и порядочный человек, которого она уважает и к которому расположена – не более. Потеряй он в глазах жены свой ореол, и она для него потеряна.

И он принял эти объяснения с восторгом влюбленного, несмотря на их обидную для мужчины условность, – принял, желая обладать любимым существом и надеясь, что заслужит и любовь. Он всеми силами добивался ее, был необыкновенно внимателен к жене, стараясь в то же время не надоедать ей своею навязчивостью, и ему казалось, что в эти два года и Рита полюбила его. По крайней мере, она была всегда ровна и ласкова, принимала к сердцу его интересы и не чувствовала себя оскорбленной, отдаваясь горячим ласкам мужа. Они жили согласно. Никаких недоразумений, никаких супружеских сцен. Рита по-прежнему уважала его и, по-видимому, вполне сочувствовала его деятельности.

«Уж не полюбила ли она кого-нибудь?»

Это было первой мыслью, которая пришла в голову про-

фессора, когда он, после разговора с женой, шел в университет, взволнованный и удрученный, весь поглощенный думами о причине неожиданных упреков любимой жены. Подобно многим бесхарактерным людям, внезапно застигнутым бедой, он словно бы боялся взглянуть ей прямо в глаза и непременно хотел найти объяснение не там, где его следовало искать. Он стал перебирать в памяти знакомых мужчин, припоминал, с кем из них Рита чаще видится, и никто из них не мог возбудить подозрения даже в ревнивых глазах влюбленного профессора. И наконец, Рита безупречна в этом отношении: она не ищет авантюр. Она слишком горда, чтоб унизиться до обмана, и, конечно, не побоится сказать, если бы полюбила.

– Не то, не то! – как-то растерянно проговорил вслух профессор, сознавая, что только малодушно хотел сам себя обмануть, приискивая объяснение, между тем как оно так очевидно.

Презрительные слова жены о «праздноболтающих» стояли в его ушах. Он ощущал теперь всем своим существом оскорбительность их значения, догадывался, по поводу чего именно они сказаны Ритой, и знал, чего ждала от него Рита. Но ведь это было бы безумием? Ставить на карту свое положение – ненужное, бессмысленное донкихотство, против которого возмущается здравый смысл.

И всевозможные доводы, начиная с доблести и кончая учеными цитатами, необыкновенно услужливо приходили в

голову профессора в виде протеста против обвинения жены в трусости.

Но, несмотря на это, Николай. Сергеевич в глубине души чувствовал, да и понимал, что жена до известной степени права и что имеет основания предъявлять к нему требования, перед которыми он бессилён.

«Права!» – мысленно произнес он и припомнил многое.

Не он ли говорил Рите, ради ее прелестных глаз, и раньше, когда был женихом, и потом, когда сделался мужем, не он ли сам говорил и ей, и перед ней, и перед многими те красноречивые, блестящие слова о правде, долге и борьбе, которым он, конечно, и сам верил и сочувствовал, но больше теоретически, как известным понятиям, а не правилам жизни. Взгляды, которые он развивал нередко в приподнятом тоне, особенно в присутствии Риты, не были выстраданы жизнью, не были откликом цельной натуры и сильного темперамента, для которого слово и дело неразлучны, а являлись – как у многих, – так сказать, дипломом на звание порядочного человека, чем-то не органически связанным с практической деятельностью – недаром же жизнь Заречного чуть ли не со студенческих дней не омрачалась никакими осложнениями, столь обычными для учащихся. И эти речи, завоевавшие ему уважение любимой женщины и всего общества, звучавшие так горячо и так сильно, казались и ему самому и другим искренними. Рита первая прослышала в них фальшивую ноту, придавая им более серьезное, обязывающее значение, чем

придавал он сам, и может теперь подумать, что он сознательно ей лгал.

Мысль, что Рита считает его лжецом, привела в отчаяние профессора, осветив перед ним ту бездну, в которой он очутился благодаря себе самому.

А разве он лгал? Разве он лжет?

Николай Сергеевич возмутился, что может даже явиться подобный вопрос, и в то же время понимал, что такой вопрос возможен. И как жестоко наказан он за то, что другим даже не ставится в вину. Действительно, он, быть может, и говорил больше, чем следовало человеку в его положении, но он все-таки не лгал...

Бедный профессор, глубоко взволнованный и уязвленный, переживал неприятные минуты. Благодаря обвинениям жены в нем, едва ли не первый раз в жизни, шевельнулась мысль: не вводит ли он в заблуждение и себя и людей, пользуясь безупречной репутацией, и не защищает ли он, в сущности, свое личное благополучие, оправдывая компромиссы и горячо доказывая, что один в поле не воин.

Но чем назойливее лезли сомнения, готовые, казалось, сбросить Заречного с того пьедестала, на котором он так прочно и удобно стоял, тем сильнее оскорблялось самолюбие избалованного успехами человека и тем неодолимее являлось желание оставаться на прежней высоте. И опять на помощь являлись аргументы, один убедительнее другого, доказывающие, что он прав, что обвинения жены неправиль-

ны, что он поступает, как следует порядочному человеку, и даже не без доблести.

«Надо делать дело, а не геройствовать бессмысленно!» – подумал он.

Профессор несколько приободрился, найдя оправдание себе. В нем появилась надежда убедить Риту в своей правоте и вернуть ее уважение.

О, если б он не любил так безумно эту женщину!

V

Отдавая быстрые общие поклоны, Николай Сергеевич торопливо прошел мимо ряда почтительно расступившихся студентов, стоявших в проходе, поднялся на кафедру, привычным жестом бросил на пюпитр листки конспекта и сел, окидывая взглядом аудиторию.

Большая актовая зала, вмещающая шестьсот человек, была переполнена. Толпились в проходах; сидели на подоконниках. Слушать Заречного приходили с других факультетов. – В последней лекции я изложил вам, господа...

С первого же слова воцарилась мертвая тишина. Студенты жадно внимали словам любимого профессора. Он читал действительно превосходно: громко, отчетливо, щеголяя литературным изяществом и сыпля блестящими сравнениями, остроумными характеристиками, меткими цитатами. Речь, вначале несколько вялая и бесцветная под влиянием еще не пережитых неприятных впечатлений, скоро пошла с обычной плавностью, полной какой-то чарующей музыкальности гибкого приятного голоса, живая, сильная и выразительная, невольно захватывающая слушателей. Несомненно, эта масса напряженных, вытянувшихся вперед молодых лиц с выражением чуткого, почти восторженного внимания, электризовала профессора, приподнимая и, так сказать, просветляя его настроение.

Он испытывал счастливое чувство той высшей удовлетворенности, которую дает кафедра, и, отдаваясь власти своего таланта, отрешался в эти минуты от мелочей и дразг жизни, забывая себя и свои обиды, нанесенные любимой женщиной, и сам как бы внутренне хорошел и, увлеченный, не любовался своею речью. И его красивое лицо становилось одухотвореннее и словно бы мужественнее. Глаза, устремленные куда-то вдаль, искрились огнем увлечения. Талант творил свое дело преображения.

Заречный почти не заглядывал в конспект. Он знакомил своих слушателей с одной из героических эпох и сам, казалось, жил ею, оживляя ее в ярких картинах с талантом художника и освещая и обобщая факты с диалектическим мастерством блестящего эрудита с широкими общественными взглядами. Сам далеко не смелый и мягкий, он теперь восхищался смелостью в исторических личностях и превозносил с кафедры то, что в жизни считал бессмысленным геройством.

Гром рукоплесканий раздался в зале и не смолкал в течение минуты-другой после того, как Николай Сергеевич, проговоривши сорок минут, окончил лекцию. Лица студентов светились восторгом. Для некоторых из них слова профессора были не одними скоро забывающимися красивыми словами, а глаголами, которые жгли молодые сердца.

Видимо довольный бурным одобрением и в то же время стараясь скрыть свою радость под личиной напускной се-

рьзости, Заречный несколько медленнее, чем можно было бы, собирал листки конспекта и, собравши, когда аплодисменты стали затихать, поднял руку, требуя слова.

Когда рукоплескания смолкли и воцарилась тишина, он проговорил:

— Господа! Лучшая оценка моих лекций — это переполненная аудитория и внимание, с которым вы их слушаете. Другая форма оценки излишня... Она к тому же не разрешается правилами, и я покорнейше прошу вас, господа, не употреблять этой другой формы...

Проговоривши эти слова, которые Николай Сергеевич всегда говорил после взрыва одобрений, он поклонился студентам, спустился с кафедры и вместе с тем как будто спустился с той высоты настроения, на которой только что был, точно актер, возвратившийся от иллюзии сцены за кулисы.

И мысли об обвинениях жены опять взволновали Заречного. Они отравляли хорошее впечатление после лекции, оскорбляя самолюбие и нарушая привычный душевный покой, которым до сих пор пользовался жизнерадостный и довольный собою Николай Сергеевич.

«О, если б Рита видела, как его любят студенты и какие устраивают овации!» — думал он и досадовал, что Рита не может быть на его лекциях.

Он торопливо проходил через расступавшуюся толпу, когда его нагнали два студента-«издателя», записывавшие и издававшие его лекции.

Один из них, довольно пригожий, чистенький и свежий блондин с голубыми глазами и кудрявой бородкой, пользовавшийся расположением Заречного как способный и серьезно занимавшийся студент и изредка бывавший у него как знакомый, обратился к нему с деловым, озабоченным и в то же время восторженно-почтительным видом человека, благоговейно влюбленного в своего профессора:

– Николай Сергеевич! Разрешите побеспокоить вас на одну минутку.

И во всей подавшейся стройной фигуре, и в выражении глаз, и в тоне свежего, молодого голоса чувствовалась некоторая аффектация.

– Охотно разрешаю! – с приветливой шутливостью проговорил Николай Сергеевич, останавливаясь. – Что вам угодно, господин Васильков?

– Когда позволите принести вам лекции на проверку?

– Когда? Да хоть завтра! – рассеянно ответил Заречный.

– Завтра ведь юбилей Андрея Михайловича Косицкого! – почтительно подчеркнул студент имя и отчество юбиляра.

– Ах, да... я и забыл. Я буду, конечно, на юбилее. Кажется, и студенты подносят ему адрес?

– Как же, все курсы. Если угодно, я вам принесу сегодня же текст адреса, Николай Сергеич, – предупредительно промолвил белокурый студент.

– Нет, зачем же... Так завтра нельзя... В таком случае послезавтра...

– В котором часу прикажете?

– Я, кажется, свободен от шести до восьми вечера. В девятом часу заседание. Так послезавтра. Мы вместе просмотрим лекции, и я вас отпущу с миром... До свидания! – сказал Заречный, протягивая студенту руку, и пошел далее к выходу в библиотечную залу, где собирались во время перерыва лекций профессора.

Один низенький черноволосый студент, худой и бледный, с возбужденным, болезненным лицом, все время не отстававший от Заречного и видимо желавший, но не решавшийся к нему подойти, наконец решился приблизиться к профессору, когда тот уже был у дверей, и, полный смущения, произнес чуть не с мольбою в глухом своем голосе:

– Господин профессор, господин профессор!

Заречный приостановился, останавливая рассеянный взгляд на незнакомом студенте.

– Что вам угодно?

– Мне очень нужно... необходимо поговорить с вами, господин профессор.

– Сделайте одолжение... Только говорите короче... Мне некогда.

– Нет, не здесь... Позвольте прийти к вам на квартиру... Мне хочется о многом спросить вас... И насчет книг и... и вообще. Я понимаю, что слишком нахален, обращаясь к вам с такой просьбой... Время у такого человека, как вы, драгоценно... Но не откажите... Пожертвуйте десятью-пятнадца-

тью минутами... Ведь вы не откажете? – возбужденно и слегка задыхаясь, видимо смущенный, говорил этот болезненный, невзрачный студент с задумчивыми и большими, точно глядящими внутрь глазами, одетый в очень ветхий сюртук.

– Охотно приму вас... Как ваша фамилия?

– О, благодарю вас, господин профессор, – радостно воскликнул студент. – Я был уверен, что вы не откажете... А моя фамилия Медынцев.

– Вы на первом курсе?

– На втором, господин профессор.

– Так приходите как-нибудь на неделе... В пятницу, например, около пяти часов... С удовольствием побеседую с вами, господин Медынцев... и постараюсь дать вам указания насчет книг и ответить на ваши вопросы, насколько я в них компетентен! – ласково ответил Николай Сергеевич, отводя участливый взгляд со впалых щек, на которых горел лихорадочный румянец.

«Бедняга совсем плох на вид!» – подумал Заречный и, приветливо кивнув головой студенту, скрылся в дверях.

VI

В небольшой комнате перед библиотечной залой было три профессора. Двое из них о чем-то оживленно беседовали, а третий – высокий худощавый старик, с узкой, коротко остриженной, начинавшей сесть головой, гладко выбритый, без бороды и без усов, с умным и несколько саркастическим взглядом небольших острых и холодных глаз, – он сидел в стороне с высокомерным спокойствием олимпийца, не обращая, по-видимому, ни малейшего внимания на двух своих коллег и на их разговор.

Это был заслуженный профессор Аристарх Яковлевич Найденов, известный ученый и знаток своей специальности, пользовавшийся большим влиянием благодаря своему недюжинному уму, связям в административном петербургском мире и замечательному уменью приспособляться ко всяким веяниям в течение тридцатилетней своей службы и в то же время не пользоваться заслуженной репутацией совсем наглого по беспринципности человека. Напротив, он умел, когда нужно, быть двуликим Янусом, посмеиваясь в душе над каждой из партий, считавшей его по временам своим. Он занимался наукой и в то же время ухитрился как-то устроиться еще при нескольких министерствах, так что получал в общем довольно много денег и, как говорили, имел небольшое состояние. Читал он лекции сухо, как-то нехотя, словно бы

не желая спускаться с научных высот до уровня своих слушателей, и студенты посещали его курс больше по обязанности, и на лекциях у него бывало не более двадцати человек. А лет двадцать тому назад Найденов был едва ли не самый популярный профессор в Москве и читал в те времена блистательно...

В последнее время Найденов даже перестал быть и Янусом, – не стоило, – и с нескрываемым цинизмом оплевывал то, чему прежде считал нужным поклоняться, и даже самую науку умел приспособить к собственной карьере. Давно уж он держался вдалеке от своих коллег и жил замкнуто, сохранив отношения с очень немногими профессорами.

Заречный был учеником Найденова и в значительной степени обязан был ему и своими знаниями и своею кафедрой. Несмотря на циничные взгляды и несимпатичное поведение своего бывшего учителя, Николай Сергеевич поддерживал с ним отношения, изредка бывал у него и по старой памяти даже несколько побаивался его ядовитых и подчас злых насмешек, особенно в научных спорах.

– По-прежнему, любезный коллега, срываете аплодисменты, пожиная плоды своей популярности? – самым серьезным тоном проговорил старый профессор, слегка кивая головой и протягивая сухую, тонкую руку подошедшему к нему Заречному.

Тот вспыхнул, но ничего не ответил. Он прежде поздоровался с двумя коллегами и, вернувшись к Найденову, сказал:

– Я не ищу ни аплодисментов, ни популярности, Аристарх Яковлевич.

– Ну еще бы. Она сама идет к счастливым, подобным вам... Да вы не сердитесь, Николай Сергеевич. Я ведь ничего не желаю сказать неприятного своему бывшему ученику. Право. Я мог бы только радоваться вашим успехам, если б не знал, как непостоянна волна человеческого счастья, дорогой мой.

Лицо старика по-прежнему было серьезно, когда он говорил свою ироническую тираду, только бескровные, тонкие губы его чуть-чуть перекошились да в серых глазах играла едва заметная лукавая улыбка.

– Я по опыту знаю все это, Николай Сергеевич. И от популярности в свое время вкусил, и имел честь быть освистанным, за что, впрочем, не в претензии, ибо свист этот много помог мне в дальнейшей жизни. А вы знаете, за что я был освистан? – понижая голос, спросил старик.

Заречный слышал об этой давнишней истории, но из деликатности сказал, что не знает.

– Молодым дуракам, которые теперь наверное уж сделались почтенными дураками, не понравилось то, что я им однажды прочел на лекции. Им показалось нелиберально, и они меня быстро разжаловали из излюбленных в подлецы. У нас ведь так же быстро производят, как и разжалывают, в чины. Сегодня излюбленный, а завтра подлец, и наоборот.

Найденов примолк и, когда из комнаты вышли два про-

фессора, заговорил, конфиденциально понижая голос:

– А все-таки позвольте мне вам дать дружеский совет, Николай Сергеич.

– Какого рода?

– Среднего, собственно говоря... Не претендуйте на плохую остроту, – усмехнулся Найденов... – Не позволяйте аплодировать себе. Я знаю: вы умный человек. Я понимаю: положение излюбленного обязывает. Но ведь и жалование остается жалованием, а дальше ординатура, добавочные и так далее. Не так ли? Так уж вы завтра на юбилее Косицкого не очень-то давайте волю вашему блестящему ораторскому таланту. Сообщаю это вам к сведению.

Слова старого циника производили впечатление ударов бича, невольно напоминая слова Риты. Но Заречный решил выслушать все до конца и сдерживал свое негодование.

– Ну, а затем мне, кажется, пора и отбывать повинность! – продолжал Найденов, взглядывая на часы.

Поморщившись, Найденов лениво поднялся с кресла.

Длинный, худой и прямой, с приподнятой головой, с бесстрастным, казалось, выражением желтоватого, морщинистого, гладко выбритого лица, он в своем вицмундире совсем не походил на профессора, а напоминал скорей какого-нибудь значительного чиновника.

Глядя в упор пронизывающими глазами на Заречного, он самым любезным тоном проговорил, складывая свои тонкие блеклые губы в приветливую улыбку:

— А ведь вы, Николай Сергеич, совсем редко заглядываете к бывшему своему профессору. Это не совсем мило с вашей стороны.

Заречный был удивлен. Никогда раньше Найденов не звал к себе Николая Сергеевича и не упрекал за редкие посещения.

— Я очень занят, Аристарх Яковлевич, да и боюсь вам помешать! — уклончиво отвечал Заречный, несколько смущенный...

Насмешливая улыбка мелькнула в глазах Найденова.

— Я не такой занятой человек, как вы, Николай Сергеич... Меня не разрывают на части, как вас, и, следовательно, ваша боязнь помешать мне несколько преувеличена. Я почти всегда у себя в кабинете, любезный коллега... Копаюсь в архивных бумажках... вот и все мое дело. Так уделите часок вашего драгоценного времени и навестите меня на днях. Кстати, у меня к вам и дельце есть. При свидании объясню... Хотя мы и числимся в противоположных лагерях — вы в либералах, а я в обскурантах, — но это, надеюсь, не послужит препоной заехать ко мне. В Европе этим не смущаются... Не правда ли? — усмехнулся старик.

— Я заеду.

— Пожалуйста. Побеседуем... А вы мне расскажете, как отпразднуют юбилей Андрея Михайловича. Газеты хоть и дадут сведения, но сухие...

— А разве вы не будете завтра на обеде, Аристарх Яковле-

вич?

– Нет. Я вообще, видите ли, небольшой охотник до театральных зрелищ и, во всяком случае, предпочитаю Малый театр колонной зале «Эрмитажа».

– Но адрес Косицкому вы подписали?

– Кто вам сказал? И адреса не подписал. Разумеется, не по тем глубоким соображениям, по которым, говорят, затруднялся подписать один наш умный коллега. Вы тоже, конечно, слышали, что этот коллега находил неприличным подписать свою знаменитую фамилию не во главе списка... И так как впереди места не было, то бедняга оказался в большом затруднении... Напрасно ему не посоветовали подписаться сбоку и обвести свою фамилию рамкой... Тогда он совсем бы выделился... Но только я не подписал адреса по другим соображениям.

Заречному, знавшему, как скептически вообще относится Найденов к коллегам, и в особенности к тем, которые стараются по возможности сохранить свое достоинство, хотелось позлить старика, и он спросил:

– Почему же вы не подписали, Аристарх Яковлевич? Разве вы находите, что деятельность Косицкого не заслуживает адреса?

Лицо Найденова перекосилось от злости. Глаза заискрились. И он, медленно растягивая слова, произнес своим тихим, скрипучим голосом:

– А какая такая деятельность Косицкого? Я, признаться,

о ней не знаю.

– Профессорская, ученая и вообще общественная, Аристарх Яковлевич.

– Профессорская?! Вызубрил когда-то две-три книжонки и с тех пор по ним читает свой курс. Не очень-то полезны такие профессора университету... а две статейки, напечатанные в журналах, вот все плоды его ученой деятельности... Впрочем, вы, конечно, не согласны со мной? – неожиданно оборвал старик, видимо сдерживая себя.

– Не согласен, Аристарх Яковлевич. Косицкий, конечно, не великий ученый, но...

– Но, – перебил Найденов, смеясь, – в шестьдесят лет все еще подает надежды... И разумеется, один из независимых, честных и безупречных служителей науки... Так, что ли, изображено в адресе?.. Или еще чувствительнее?

– Приблизительно так.

– Ну и на здоровье... А в речах вы его хоть в угодники произведите. Опровергать ходячее мнение не стоит... Да и некогда! И то мои студенты, пожалуй, уже ласкают себя надеждой, что я не буду им сегодня читать.

Старик снова взглянул на часы и уже совсем спокойно промолвил:

– А приветственную телеграмму Косицкому я все-таки pošлю.

– Пошлете? – удивленно спросил Заречный.

– Обязательно.

– За что же?

– А за то, что Андрей Михайлович хоть и прикидывается добродушным простачком, а в сущности умный и осмотрительный человек. Тридцать лет прослужить в звании российского профессора, да еще при разных курсах, тридцать лет слыть и знающим, и честным, и безупречным и быть на отличном счету и у начальства, и у коллег, и у студентов, и у общества, это, во всяком случае, свидетельствует об уме... А я прежде всего почитаю ум. Ну, и, кроме того, не хочу ссориться с Андреем Михайловичем. Однако я заболтался с вами. До свидания. Привет вашей супруге... Не забудьте же дружеских советов вашего благоприятеля, любезный коллега, если только хотите со временем праздновать свой юбилей. И помните, что я жду вас! – властным тоном, словно приказывая, прибавил старик.

Он слегка пожал руку Заречного и неспешной, размеренной походкой направился к дверям. Он выше и надменнее поднял голову и принял еще более суровый вид, когда вошел в аудиторию и увидел там всего десятка два слушателей.

А когда-то к нему на лекции сбегались студенты со всех факультетов.

VII

Заречный читал еще одну лекцию, потом ездил по разным делам, частью общественным, частью личным, и в седьмом часу вечера возвращался домой усталый, голодный и в отвратительном настроении.

В другое время он отнесся бы с молчаливым презрением к тому мнению о нем, какое так недвусмысленно слышалось в словах Найденова. Николай Сергеевич знал, что эта «озлобленная каналья» судит людей по себе и считает всех либо беспринципными циниками, как он сам, либо лицемерами, либо дураками. Только последние, по его мнению, могут быть порядочными людьми и верить в идеалы.

Немудрено, что он и на своего бывшего любимого ученика смотрит со скептицизмом старого циника. Но прежде, по крайней мере, он не говорил ему откровенностей прямо в глаза и с таким презрительным высокомерием, как сегодня. Сегодня старый авгур словно бы поощрял молодого.

И Заречный досадовал, что не оборвал старика и вообще был слишком терпим к нему и раньше. Но все-таки нельзя не ценить в нем крупного ученого и нельзя забыть учителя, которому многим обязан. И наконец, резкость не в характере молодого профессора!

Так, по крайней мере, объяснял себе Заречный свою сдержанность перед Найденовым, не думая или стараясь не ду-

мать, что, кроме этих причин, были еще и другие: боязнь навлечь на себя злобу влиятельного в университете профессора, который всегда мог напакостить, и приобретенная еще во время студенчества привычка: почтительно выслушивать насмешки ядовитого профессора в качестве одного из его любимцев.

Но самое оскорбительное для самолюбия Николая Сергеевича, самое убийственное для него заключалось в том, что унижительные комплименты Найденова и суровые обвинения Риты выражали собою одно и то же.

И любимая женщина и умный старик профессор не верили его искренности.

Вообще весь разговор с Найденовым производил на Николая Сергеевича скверное впечатление, напоминая ему слова Риты и смущая его.

«И что ему от меня нужно? Какое такое дело?» – задавал он себе вопрос, хорошо понимая, что Найденов так настойчиво его зовет исключительно по делу, а не для приятных бесед.

Сперва Заречный было подумал, что не поедет, но затем решил ехать. Свидание ведь ни к чему не обязывает – ни в какие дела, кроме специально-научных, он с Найденовым, разумеется, не войдет, – а между тем визит этот поможет уяснить ему свое положение.

Его несколько беспокоили эти «дружеские предупреждения» относительно осторожности. Вероятно, Найденов

предостерегал не без каких-нибудь оснований – недаром же он дружен с властями и первый узнаёт обо всем.

Размышляя об этом, молодой профессор испытывал тревогу хорошо устроившегося, любящего известный покой человека, неожиданно узнавшего, что положение его, которое он считал прочным, оказывается далеко не таким. И одновременно с этим чувством тревоги он подумал, что в самом деле надо быть осторожным, и кстати припомнил и евангельское изречение о змеиной мудрости. Надо не давать ни малейшего повода к формальным придиркам... Непременно следует прекратить аплодисменты и сказать студентам, чтобы они берегли своего профессора. Ведь глупо же, в самом деле, из-за какого-нибудь пустяка бросить любимое занятие и лишит студентов хороших лекций. Нелепо рисковать местом и остаться без куска хлеба. Эта перспектива всегда была больным местом Николая Сергеевича. И без того его озабочивали запутанные денежные дела и долги. Сегодня только что пришлось переписать вексель и занять сто рублей.

Конечно, на его глазах творится немало скверного и глупого, и он бессилен помешать этому скверному и глупому...

Это только Рита всюду находит поводы и не хочет понять, что в жизни неизбежны некоторые компромиссы. Лучше делать возможно хорошее, чем ничего не делать.

Эта мысль увлекла его, и в голове молодого профессора складывался стройный ряд блестящих положений, убедительных доказательств. И как это все ясно! Какая могла бы

выйти чудная речь и вместе с тем какое неотразимое оправдание всей его деятельности.

И Заречного внезапно осенила идея: сказать завтра на юбилее речь на эту тему. Эта речь произведет на Риту впечатление. Она поймет свою вину перед ним и, правдивая, подойдет к нему и скажет: «Николай! Я виновата!»

«Может быть, она и теперь сознает, что была несправедлива ко мне, и ждет моего возвращения!» – радостно мечтал Заречный, потирая плечо извозчика.

Но когда он подъехал к маленькому особнячку и позволил, эти радостные мечты мгновенно исчезли, и Николай Сергеевич вошел в прихожую далеко не с тем радостным видом, с каким входил обыкновенно, возвращаясь домой.

– А барыни разве дома нет? – спросил он у горничной, когда, войдя в столовую, увидел один прибор на столе.

– Барыня дожидались вас до шести часов, откушали и ушли...

– Давно?

– Только что.

Он взглянул на часы. Было без пяти семь. Он действительно сильно запоздал, но, случилось, Рита терпеливо поджидала его, зная, что не любит обедать один.

«А теперь не захотела. Ушла!» – тоскливо подумал Заречный, чувствуя себя обиженным, и проговорил:

– Давайте скорей обедать. Я есть хочу!

Несмотря на печальное настроение, Николай Сергеевич

уписывал обед с жадным аппетитом сильно проголодавшегося человека, но, покончив обед, пил пиво, бокал за бокалом, с таким мрачным видом, что возбудил к себе искреннее участие в молодой пригожей горничной. Она слышала одним ухом разговор между супругами и, принимая сторону красавца профессора, находила, что он уж слишком обожает жену.

Вставая из-за стола, профессор спросил у Кати:

– Был кто-нибудь?

– Один господин был.

– Кто такой? Оставил карточку?

– Господин Невзгодин. Они у барыни были.

Заречного точно что-то кольнуло. Он знал, что Невзгодин был горячим поклонником Риты и что она расположена к этому шалопаю, как он его называл.

«Зачем он явился сюда из Парижа?»

– Невзгодин? – переспросил Заречный. – Вы не перепутали фамилию, Катя?

– Что вы, барин?.. Такая нетрудная фамилия... Такой маленький, аккуратненький господин... Из-за границы приехали! – докладывала Катя, прибирая со стола.

Ревнивое чувство охватило профессора, и он чуть было не спросил: долго ли сидел у жены Невзгодин. Стыд допроса горничной удержал его. Однако он не уходил из столовой.

И Катя сама поспешила удовлетворить его любопытство и в то же время доставить себе маленькое удовольствие про-

известии опыт наблюдения и с самым невинным видом болтушки прибавила:

– Барыня собирались было уходить, уж и шапочку надели, когда приехал господин Невзгодин, – но остались... И этот барин просил доложить, что на минутку, а сами целый час просидели.

– Я вас не спрашиваю об этом! – резко проговорил Заречный, чувствуя, что краснеет.

– Простите, барин... Я думала...

– Разбудите меня, пожалуйста, в восемь часов! – перебил, смягчая тон, Заречный и направился в кабинет.

Этот небольшой кабинет, почти весь заставленный полками, набитыми книгами, с большим письменным столом, на котором, среди книг, брошюр и мелко исписанных листов рукописи, красовалось несколько фотографий Маргариты Васильевны, показался теперь Николаю Сергеевичу каким-то гробом – тесным и мрачным...

Он снял вицмундир, надел фланелевую блузу и прилег на оттоманку, надеясь отдохнуть хоть полчаса. В восемь ему непременно надо ехать на заседание общества, в котором он председателем. Не быть там никак нельзя... Он читает реферат, и заседание наверное затянется.

Но заснуть Заречный никак не мог. Ревнивые мысли переплетались с воспоминаниями об обиде, нанесенной ему утром женой, и наполняли мучительной тоской его душу, возбуждая мозг до галлюцинаций.

Ему представлялось теперь почти несомненным, что Рита для него потеряна. В Невзгодине она найдет не только влюбленного поклонника, но и единомышленника. Этот донкихотствующий зубоскал, конечно, постарается отличиться перед Ритой радикальным скептицизмом. Он и раньше щеголял этим. Ничего не делал и только подсмеивался – это ведь так легко и ни к чему не обязывает.

При мысли о том, что Рита может его бросить, Заречный чувствовал себя глубоко обиженным и несчастным, и какая-то самолюбивая злоба отвергнутого самца охватывала его, когда он представлял себе Риту в объятиях Невзгодина. И ему хотелось унижить этого человека в глазах Риты. Он при первой же встрече это сделает...

Нет... он так не поступит. Он останется джентльменом. Он не будет мешать им... Если она полюбила... если она...

Мысли путались в возбужденной голове профессора. Он точно вдруг очутился в какой-то бездне противоречий и не находил выхода.

Тук-тук-тук!

– Восемь часов, барин!

– Хорошо.

Он торопливо оделся и, выходя, как-то застенчиво проговорил:

– Я, вероятно, поздно вернусь и не хочу беспокоить барыню. Сделайте мне постель в кабинете.

– Слушаю-с.

Заречный действительно вернулся поздно. Когда на другой день он встал в девять часов, чтоб поспеть на лекцию, а оттуда ехать к юбиляру, Маргарита Васильевна еще не выходила из спальни.

– Передайте барыне, что если она хочет быть на юбилее, то пусть приезжает одна. Мне никак нельзя заехать за ней! – сказал Заречный, осматриваясь в трюмо.

В хорошо сшитом фраке и белом галстухе, он глядел совсем красавцем. Несколько осунувшееся, побледневшее лицо и слегка ввалившиеся глаза, вследствие бессонной ночи, придавали ему еще более интересный вид.

VIII

За четверть часа до шести Невзгодин подъехал с Неглинной к небольшому подъезду отдельных кабинетов «Эрмитажа». Озябший на сильном морозе, он торопливо сунул извозчику деньги и вошел в ярко освещенные сени. Приятное ощущение тепла и света охватило его.

Два видных швейцара, остриженные в кружок и, по московской моде, в черных полукафтанах и в высоких сапогах, приветливо поклонились гостю.

– Вы на обед в честь Андрея Михайлыча? – осведомился один из них, помоложе, снимая с Невзгодина его, несколько легкое для русской зимы, парижское пальто с маленьким барашковым воротником.

– Да...

Невзгодин невольно улыбнулся и несколько торжественному выражению лица молодого востроглазого ярославца, и значительному тону, каким отчеканил он имя и отчество юбиляра, с московскою почтительностью не называя его по фамилии.

– А вы знаете, кто такой Андрей Михайлыч?

– Помилуйте-с... Как не знать-с Андрея Михайлыча! – обидчиво заметил молодой швейцар. – Известные ученые и профессоры... Я их не раз видел... Бывают у нас.

«Вот она, популярность!» – подумал Невзгодин и спро-

сил:

– Собралось еще немного?

– Человек ста полтора, пожалуй, уже есть! – отвечал швейцар, помахивая черноволосой головой на вешалки, полные шуб.

– Ого! – удивленно воскликнул Василий Васильевич, хорошо знавший привычку москвичей опаздывать.

– А ждем свыше двухсот персон-с! – не без гордости продолжал швейцар. – Извольте получить нумерок!

Оправившись перед зеркалом, которое отразило небольшую статную фигуру в отлично сидевшем парижском новом фраке, Невзгодин поднялся наверх и остановился на площадке, у столика, где собирали за обед деньги. Заплативши семь рублей и написавши на листе свою фамилию, он хотел было двинуться далее, как его окликнул чей-то высокий, необыкновенно мягкий тенорок...

В этом маленьком толстеньком пожилом господине во фраке и в белом галстуке, – выскочившем с озабоченной физиономией из коридора к столику, – Невзгодин сразу узнал Ивана Петровича Звенигородцева – всегдашнего устроителя юбилеев и распорядителя на торжественных обедах, известного застольного оратора и знакомого со всей Москвой присяжного поверенного.

Выражение озабоченности внезапно исчезло с его лица. Румянящее, заплывшее жирком, с жиденькой бородкой и маленькими блестящими глазками, полными плутовства и

вместе с тем добродушия, оно теперь все сияло радостною улыбкой, словно бы Звенигородцев увидал перед собою лучшего своего друга. И, несмотря на то, что Иван Петрович был очень мало знаком с Невзгодиным и считал его, как и многие, пустым зубоскалом, он, как коренной москвич, широко раскрыл свои объятия и троекратно облобызал Невзгодина необыкновенно крепко и сочно.

– Давно ли, Василий Васильевич, к нам из Парижа? – ласково и певуче спрашивал Звенигородцев, задерживая руку Невзгодина в своей пухлой потной руке.

– Вчера.

Осторожно высвободив руку, Невзгодин отер губы.

– Как раз на юбилей попали... Увидите, дорогой Василий Васильевич, как у нас хороших людей чествуют... Двести пятьдесят человек записались на обед... Было бы и вдвое больше, но мы отказывали... Нельзя же всех пускать, без строгого выбора... Ну и устал же я сегодня. Хлопот, я вам скажу, с этими юбилеями! И наверное в назначенный час публика не соберется. Уж скоро шесть, а всего только сто шестьдесят человек. Надо дать знать, чтобы юбиляра привезли не раньше половины седьмого...

И Звенигородцев тут же распорядился об этом.

– Разве юбиляра привезут?

– Обязательно, и в четырехместной карете. Или вы забыли московский юбилейный чин? А еще москвич!

– Кто же привезет Косицкого?

– Двое. Представитель старого поколения профессоров: Лев Александрович Цветницкий и представитель молодой науки: Николай Сергеич Заречный.

– А Маргарита Васильевна здесь?

– Не видал. Кажется, еще не приезжала. А вы что же?.. Все еще поклоняетесь гордой англичаночке?.. А хорошеет с тех пор, как замужем... Прелесть что за женщина. Вот увидите! – оживленно и щуя глаза прибавил Звенигородцев.

– Давно не поклоняюсь, Иван Петрович... И я недавно женился...

Звенигородцев горячо поздравил Невзгодина и, заметив, что тот собирается отойти, остановил его словами:

– На одну минутку, Василий Васильич!

Отведя Невзгодина в сторону, он проговорил, слегка понижая свой тенорок и принимая значительный вид человека, озаренного счастливою мыслью.

– Челом вам бью, Василий Васильевич! Не откажите.

– В чем?

– Вы ведь, я слышал, занимались в Париже науками?

– Занимался.

– Так знаете ли что? Скажите, голубчик, за обедом речь Косицкому в качестве представителя от русских учащихся в Париже. Это будет, я вам скажу, эффектно и очень тронет старика...

Невзгодин рассмеялся.

– Да как же я буду говорить, никем не уполномоченный?

– Так что за беда! Разве на вас будут в претензии за то, что вы почитите хорошего человека? Косицкий ведь не Найденов... Он сохранил традиции и вполне наш... Право, скажите, Василий Васильич, несколько теплых слов... Сделайте это для меня... Я вас запишу. Вы будете говорить пятнадцатым... идет?

– Нет, не идет, Иван Петрович. Не записывайте... я говорить не стану.

– Экий вы какой! Ну в таком случае скажите что-нибудь от своего имени... Вы ведь хорошо говорите.

– Совсем не умею...

– Полно, полно... Я помню, вы раз говорили на каком-то обеде... Сколько остроумия, сколько...

Звенигородцев вдруг оборвал речь и, засиявший, с замаслившимися глазками, бросился, словно ошалелый кот, к поднимавшейся по лестнице молодой хорошенькой даме.

«Все тот же юбочник!» – подумал, улыбаясь, Невзгодин и быстрыми шагами пошел по коридору, мимо отдельных кабинетов, встречая бесшумно снующих половых в их ослепительно белых рубахах и шароварах.

Отворив белые с золотом двери, он вошел в знаменитую колонную залу «Эрмитажа», в которой Москва дает фестивали и упражняется в красноречии.

В большой белой зале, ярко освещенной светом громадной люстры, три длинные стола, расположенные покоем, были уставлены приборами, сверкая белизной столового белья

и блеском хрусталя. Длинный ряд бутылок и массивные канделябры дополняли сервировку.

Мужчины, большею частью во фраках и белых галстуках, дамы в светлых нарядных туалетах наполняли пространство у колонн и между столами. У всех были праздничные лица. Шел оживленный говор, и до ушей Невзгодина часто доносилось имя юбиляра. Видимо, он сегодня был главным предметом разговоров собравшейся публики.

Невзгодин торопился занять два места рядом, стараясь найти их поближе к среднему столу, где должен был сидеть юбиляр. Ему хотелось рассмотреть поближе разные московские знаменитости и лучше слышать речи. Но мест вблизи почетного стола уже не было – во всех стаканах или рюмках торчали карточки, так что Невзгодин нашел два места рядом в конце одного из боковых столов.

Взглянув на изящное меню с портретом юбиляра, лежавшее у каждого прибора, он направился к выходу, чтобы встретить Маргариту Васильевну.

Это было не так-то легко. Публика все прибывала, и на пути Невзгодину приходилось останавливаться, чтобы удовлетворять более или менее праздное любопытство знакомых, отвечая на одни и те же вопросы и восклицания удивления, что он в Москве, что женат, что занимался химией и написал повесть.

Оказалось, что про него уж все было известно, хотя сам он еще и не был известностью.

Наконец он выбрался к дверям.

Через несколько минут он увидал Маргариту Васильевну. Она вошла одна и была очень изящна и мила в своем черном шерстяном платье, оттенявшем ослепительную белизну ее красивого строгого лица.

Она тихо подвигалась среди толпы, шуря близорукие глаза и слегка наклоняя голову в ответ на поклоны знакомых.

Невзгодин подошел к ней.

– Вы давно здесь? – спросила она, радостно улыбаясь, и по-приятельски пожала руку Невзгодина.

– Приехал к шести, как назначено... по-европейски.

– А я по-азиатски опоздала... И какой же вы нарядный во фраке, Василий Васильевич! – прибавила молодая женщина, оглядывая Невзгодина.

– И какая же вы интересная в своем черном платье, Маргарита Васильевна! – тем же тоном отвечал Невзгодин.

– Будто? – кокетливо уронила Маргарита Васильевна, оживляясь и видом нарядной толпы, и комплиментом Невзгодина.

– Уверяю вас, что говорю без малейшего пристрастия! – подчеркнул он.

– Здесь все в светлых нарядах, а я – монашкой.

– И все-таки вы одеты лучше всех.

– А Аносова?

– Великолепная вдова? Я ее не видал. Она разве будет? Что, в сущности, ей Гекуба и она Гекубе? А впрочем, московские дамы от скуки ездят не только на юбилеи, но даже и

на заседания юридического общества... Так Аносова будет?

– Непременно. По крайней мере утром говорила, что будет.

– Вы разве с ней знакомы?

– Сегодня познакомилась. Была у нее по делу. Очень она мне понравилась.

Они на минуту остановились. Заречная поздоровалась и обменялась несколькими словами с какой-то дамой.

– И вы, Василий Васильевич, кажется, знакомы с Аносовой? – продолжала Маргарита Васильевна, когда они двинулись далее.

– Как же, сподобился нынешним летом в Бретани. Так вам великолепная Аглая Петровна даже очень понравилась? Верно, удивила чем-нибудь по благотворительной части?

– Именно... удивила. Обещала пятьдесят тысяч на одно дело, о котором мы с вами еще будем беседовать. А вам разве Аносова не нравится? – спросила Заречная, останавливая пытливый взгляд на Невзгодине.

Он нисколько не смутился от этого взгляда и спокойно ответил:

– Нравится, как хороший экземпляр роскошной женской красоты.

– И только? – с живостью кинула Маргарита Васильевна.

– Ну и неглупая, характерная женщина, изучавшая даже Шелли... А вообще не моего романа.

– Не вашего? – весело промолвила Заречная, внезапно

обрадованная эгоистически-радостным чувством женщины, прежний поклонник которой не сотворил себе нового кумира.

Помолчав, она прибавила:

– А вы, Василий Васильич, кажется, могли бы быть героем ее романа?

Невзгодин несколько смутился и не без раздражения спросил:

– Откуда сие, Маргарита Васильевна?

– Плоды моих наблюдений над Аглаей Петровной, когда мы говорили о вас! – смеясь ответила молодая женщина.

– Так они ошибочны. По крайней мере, я не замечал этого.

– А я заметила! – настаивала Заречная.

– И, признаться, я не особенно был бы польщен благоволением красавицы вдовы, если б у нее и явился такой невероятный каприз...

– Отчего невероятный?.. Разве вы не можете понравиться?

– Только не Аносовой. Поверьте, что она с ее красотой и миллионами давно нашла бы себе героя, – и, конечно, не такого невзрачного, как ваш покорнейший слуга, – если б чувствовала в том потребность...

– Но она вас все-таки заинтересовала. Вы часто с ней виделись в Бретани?

– Еще бы! Эта современная московская купчиха с отличным английским выговором, с ласковым взглядом бар-

хатных глаз, скрывающим холодную жестковатость натуры, крайне любопытна и стоит изучения. В самом деле, в ней как-то уживаются вместе расточительная благотворительница и самая отчаянная сквалыга... Наклонность к умственным отвлечениям и кулачество. Восхищение Шелли и обсчитывание рабочих...

– Будто?

– Наверное. Я знаю. Мой приятель был техником на одной из аносовских фабрик. Он кое-что мне порассказал. Рабочим там очень скверно, а управляющий-англичанин просто-таки скотина.

– И Аносова все это знает?

– Превосходно. Она баба-делец и сама во все входит. Она и Маркса читала, недаром же говорит, что капитализм – необходимая стадия развития... Герой ее – нажива.

– Вы, Василий Васильич, кажется, чересчур сгущаете краски... Разве Аносова при всем этом не женщина?... Разве она не способна увлечься?

– Не способна. Слишком трезвенна и темперамент спокойный.

– Ну, так вы недостаточно ее изучили. Надо продолжать.

– Что ж, я не прочь... Здесь, в Москве, на своей почве она будет виднее, чем за границей! – засмеялся Невзгодин... – Ну, вот и наши места... Далеконько от юбиляра, но лучших не нашел, Маргарита Васильевна!

– И отлично, что далеко...

– А я недоволен. Пожалуй, и не расслышишь всех речей, а их будет много. Четырнадцать уж обеспечено!

– Четырнадцать? Это ужасно! Несчастный Косицкий!

– Ну и публика не особенно счастливая! Я, впрочем, намерен все речи слушать... Ведь два года не слыхал московского красноречия.

– А я постараюсь не слушать ни одной... Надоели они. И все одни и те же...

– Звенигородцев и меня просил сказать пятнадцатую речь.

– Что ж, скажите... Вас я буду слушать.

– Благодарю, но я речи не скажу.

И, объяснив просьбу Звенигородцева, Невзгодин прибавил:

– И ведь Звенигородцев не находит ничего странного, предлагая говорить речь от имени других... Меня же будет костить за то, что я отказался... Впрочем, нынче мало что считается предосудительным... читали в газетах объяснение одного петербургского профессора, уличенного в фабрикации анонимного письма?.. Какая развязность у этого профессора!.. Какой медный лоб!

– Ну и у здешних есть медные лбы.

– Не смею спорить, но все-таки наши до анонимных писем не доходили...

– А кто нашими соседями будут за обедом? Вы знаете, Василий Васильич?

– Сейчас узнаю.

Невзгодин взглянул на карточки, вложенные в стаканы по бокам занятых им приборов, и проговорил:

– Ваш сосед: молодой беллетрист Туманов... Вы его знаете?

– Знаю...

– Так познакомьте меня с ним. Он талантливые вещи пишет.

– А рядом с вами кто?

– Анна Аполлоновна Вербицкая. Кто такая?

– Не имею понятия...

– Я и того менее... Однако три четверти седьмого... есть хочется, а юбиляра не везут его ассистенты.

– Кто такие?

– Цветницкий и ваш супруг. Николай Сергеич, верно, будет сегодня говорить?

– Конечно! – промолвила Маргарита Васильевна, и тень пробежала по ее лицу.

В эту минуту раздался гром рукоплесканий. Толпа двинулась к дверям.

– Наконец-то будем закусывать! – весело сказал Невзгодин и стал аплодировать, приподнимаясь на цыпочки, чтоб увидеть юбиляра.

Но вместо него в глаза Невзгодина бросилась крупная, статная фигура Заречного.

Прислонившись к колонне близ входа и высоко подняв

свою красивую голову с гривой волнистых черных волос, он жадным, беспокойным взглядом всматривался в толпу, словно кого-то искал.

«Жену ищет!» – подумал Невзгодин и незаметно взглянул на Маргариту Васильевну.

Прежнего оживления уже не было в ее побледневшем, казалось, лице. Серьезная и почти суровая, она тоже смотрела на красавца мужа, и в ее серых глазах блестел злой огонек, и тонкие губы складывались в презрительную улыбку.

– Что ж вы не аплодируете, Маргарита Васильевна? Косицкий этого стоит. Он прелестный человек!

– Все они прелестные! – с каким-то порывистым озлоблением произнесла молодая женщина.

Встретив удивленный и пытливый взгляд Невзгодина, она внезапно покраснела, точно досадуя на свою несдержанность, и прибавила:

– Я сегодня в злом настроении.

– Косицкий, право, порядочный человек. Я немножко знаю его и помню, как джентльменски он провалил меня на экзамене, хоть и благоволил ко мне!

«Пахнет серьезной драмой и, кажется, последним актом!» – решил про себя Невзгодин и, как истинный беллетрист, почувствовал даже некоторую радость при мысли о возможности близкого наблюдения этой драмы.

И он снова захлопал, увидавши наконец юбиляра.

IX

Улыбаясь растерянной и словно бы виноватой улыбкой, маленький, худенький старичок в мешковатом фраке, с седой бородой клином и с длинным носом, придававшим его добродушному лицу несколько птичий вид, кланялся направо и налево, двигаясь мелкими шажками среди рукоплескавшей толпы, и поминутно останавливался, чтобы пожать руки встречающимся знакомым и благодарить за поздравления, добавляя слова благодарности взглядом, который будто говорил, что он, Андрей Михайлович Косицкий, не виноват во всем том, что происходит, и просит снисхождения.

Не ожидавший такого многолюдства и сконфуженный аплодисментами и тем, что служит предметом общего внимания, он, видимо, находился в затруднении: в какую сторону залы ему направиться, остановиться ли или идти, и что вообще предпринять. В этот затруднительный момент он невольно вспомнил совет своей супруги, преподанный еще сегодня утром: «Не быть хоть на юбилее рассеянной фефелой и держать себя с достоинством!»

«Ей хорошо давать указания, а попробовала бы она быть в моем положении!» – невольно подумал смущенный и взволнованный юбиляр, снова кланяясь на аплодисменты и обрадованно останавливаясь около знакомого, точно ища у него помощи.

Но Иван Петрович Звенигородцев недаром был превосходным распорядителем на всяких торжествах, и не напрасно же его в шутку звали «обер-церемониймейстером».

Как только смолкли приветственные рукоплескания, его кругленькая, толстенькая фигурка вынырнула из толпы, и он, сияющий и торжественный, словно бы сам был юбиларом, очутился около Косицкого и фамильярно, в качестве друга, подхватив его под руку, повел юбилара, как послушного бычка на веревочке, в соседнюю комнату к громадному столу, сплошь уставленному всевозможными закусками.

– Ты, Андрей Михайлыч, кажется, померанцевую?

Это была первая обыденная фраза, которую сегодня услышал старик. С утра к нему на квартиру являлись разные депутаты, говорили речи в приподнятом тоне, волновавшие и трогавшие Андрея Михайловича. Он порядком таки устал и до сих пор находился в напряженном состоянии. Вопрос о водке словно бы возвратил его к привычной ему действительности, и он мог попросту ответить с шутливым укором, аппетитно поглядывая на закуски:

– А еще приятель! Я, Иван Петрович, очищенную!

– Прости, голубчик. Я и забыл... Это Лев Александрыч пьет померанцевую!

Звенигородцев налил две рюмки, но, прежде чем чокнуться, не мог, конечно, не выразить своих чувств публично. Распожась юбиларом, как своей собственностью, он привлек его к себе и так крепко поцеловал трижды в губы, что шатавшийся передний зуб юбилара чуть было не выпал, и Андрей Михайлович благодарно поморщился от боли.

Чокнувшись затем с юбиларом и проглотив рюмку водки, Звенигородцев куда-то исчез.

Толпа обступила плотной стеной закусочный стол. Закусывали, по московскому обыкновению, долго и основательно. Только бедняга юбилар, несмотря на желание попробовать закусок основательно, никак не мог этого сделать и некоторое время стоял с пустой тарелочкой в руке,

не имея возможности что-нибудь себе положить. К нему не переставая подходили добрые знакомые с поздравлениями и к нему подводили незнакомых почитателей и почитательниц его ученой деятельности, с которой они, впрочем, были незнакомы, считавших долгом выразить старику свое уважение. Поневоле приходилось отвечать, благодарить и пожимать руки и терять надежду полакомиться свежей икрой, до которой Андрей Михайлович был большой охотник.

Спасибо супруге – она выручила. Эта внушительных размеров, гренадерского роста и решительного вида дама, лет за сорок, сохранившая следы былой красоты и, судя по костюму и слишком оголенной шее, имевшая еще претензию производить впечатление, – не оставила и здесь, на юбилее, мужа без своего властного надзора, какой неослабно имела за ним в течение долголетнего супружества. Несколько удивленная, что с утра так чествуют Андрея Михайловича, которого она высокомерно всю жизнь считала фефелой и с которым дома обращалась, как неограниченная монархиня с своим верноподданным, вполне игнорируя, что он читал полицейское право, – госпожа профессорша возмутилась, увидавши, что Андрей Михайлович «мямлит», как она выражалась, с какою-то барышней и при этом даже умильно улыбается, вместо того чтобы есть хорошую закуску с таким же аппетитом и с таким же достоинством, с какими это делает она. И профессорша, решительно отстранив от стола какого-то господина, наложила полную тарелку свежей икры, достала

хлеб и, подойдя к мужу, который перед ней казался карликом, нежно проговорила:

– Вот кушай, а то ты ничего не ешь!

Юбиляр благодарно и в то же время несколько боязливо взглянул на жену, принимая тарелку.

– Да ты лучше отойди в сторону, а то здесь тесно! – продолжала нежным тоном супруга.

Барышня исчезла, и Андрей Михайлович покорно отошел за женой.

– Вот здесь никто не помешает тебе... Присядь к столу... Ты совсем сонный какой-то... И все точно боишься... Со-всем не похож на юбиляра! – выговаривала она шепотом. – Чего еще хочешь... Я тебе принесу...

– Спасибо, Варенька... Мне довольно икры... А я, точно, устал... И наконец разве я мог ожидать... Столько сегодня неожиданной чести.

– Ну, ешь... ешь... И какая неожиданность... Ты разве не стоишь почета... Слава богу, тридцать лет профессором... Ешь... ешь... Не говори...

Юбиляр не заставил себя более просить и с удовольствием уплетал икру, оберегаемый супругой, которой почти все знакомые несколько побаивались, как очень решительной дамы.

Заречный еще в зале увидел жену и Невзгодина.

Он вел ее под руку и о чем-то весело ей рассказывал. Рита улыбалась! Заречный видел потом, как Невзгодин обслуживал ей, подавая закуски, и теперь они опять вместе стоят в

сторонке и снова оживленно разговаривают, не обращая ни на кого внимания.

Ревнивые подозрения с новой силой охватили молодого профессора. Он сделался мрачен, как туча, и украдкой наблюдал за Ритой и Невзгодиным. Откуда такая дружба между ними после того, как он был отвергнут и уехал из Москвы? О чем они говорят? О, как хотел бы Николай Сергеевич узнать, но к ним все-таки не подходил, не желая встретиться с этим пустейшим человеком, который вдруг сделался ему ненавистным. Он понимал неизбежность встречи если не здесь, не сегодня, то на днях, дома – этот «нахал» теперь зачастит к Рите, – но как человек нерешительный хотел встречу отдалить.

После юбиляра Николай Сергеевич, по-видимому, обращал на себя наибольшее внимание публики, и в особенности дам. К нему то и дело подходили, с ним разговаривали, ему восторженно улыбались, на него указывали, называя фамилию и прибавляя: «Известный профессор». Одна дама назвала его «неотразимым красавцем» так громко, что Заречный слышал, и умоляла познакомить ее с ним.

Но сегодня Николай Сергеевич был равнодушнее к проявлениям восторгов поклонения и, обыкновенно мягкий и ласковый в обращении с людьми, был сдержан, неразговорчив и меланхоличен.

Он выпил уже четыре рюмки водки, желая разогнать ревнивые думы, и скупно подавал реплики какой-то поклоннице,

пережевывая кусок балыка. Глаза его невольно смотрели в ту сторону, где были Рита и Невзгодин.

«И каким стал франтом этот прежний замухрыга! Видно, более не отрицает приличных костюмов!» – со злостью думал Заречный.

В эту минуту откуда-то выскочил Звенигородцев и, обхватывая талию Николая Сергеевича, весело воскликнул:

– А ведь мы с тобой, Николай Сергеевич, не пили. Выпьем?

Звенигородцев со всеми более или менее известными людьми был на «ты».

– Пожалуй...

Они подошли к столу, чокнулись и выпили.

Пока они закусывали, Звенигородцев успел уже сообщить, торопливо кидая слова своим нежным и певучим голосом, о том, что Невзгодин – вот она, современная молодежь! – оказался просто-таки трусом. Иначе чем же объяснить его отказ сказать речь Косицкому?

– Прежде небось радикальничал. Помнишь? Все у него оказывались лицемерными болтунами, показывающими кукиши в кармане, а теперь и кукиш боится показать! Видно, как женился, так и того... Радикализм в отставку! – говорил Звенигородцев почти шепотком и при этом так добродушно и весело улыбался, точно он искренне радовался, что Невзгодин оказался трусом и вообще негодным человеком.

– Разве Невзгодин женат? – воскликнул Заречный.

В голосе его невольно звучала радостная нотка.

– То-то женился. Только что сам мне сообщил. Да он разве у тебя не был?

– Был, но не застал дома.

– Говорят, и химию в Париже изучал. Что-то сомнительно. И повесть написал... мне сейчас говорил Туманов... И принята. Ну, да мало ли дряни нынче принимают! Признаться, я не думаю, чтобы Невзгодин мог написать что-нибудь порядочное... Как по-твоему?

– И мне кажется... Поверхностный человек...

– Брандахлыст, хоть и не лишен иногда остроумия. Да ты разве не видал его?

– Нет, не видал! – солгал Заречный.

– Он только что здесь был с Маргаритой Васильевной.

– А жена его с ним?

– Жена? Жены не видал. Верно, и она здесь! – решил Звенигородцев, отдававшийся иногда порывам вдохновения... – Однако пора юбиляра и к столу вести. А каков юбилейчик-то? Двести сорок человек обедающих... Ты будешь говорить пятым... не забудь!

С этими словами Иван Петрович исчез, отыскивая глазами юбиляра.

Несколько обрадованный вестью о женитьбе Невзгодина, Заречный направился к жене. Он застал ее одну. Невзгодин в эту минуту разговаривал около с известным профессором химиком.

– Я и не видался с тобой сегодня. Здравствуй, Рита! – с нежностью шепнул Заречный, протягивая жене руки и словно бы внезапно притихший при виде Риты.

– Здравствуй! – безучастно промолвила она.

Он пожал маленькую руку и сказал:

– Я тебе занял место за средним столом... недалеко от юбиляра... Около тебя будет сидеть профессор Марголин... Ты, кажется, его перевариваешь? – прибавил он с грустной улыбкой.

– У меня уже есть место.

– С кем же ты сидишь? Одна?

– Нет. Я буду сидеть рядом с Невзгодиным. Он на днях вернулся из-за границы, вчера был у меня, и я ему обещала.

Это подробное объяснение, которое почему-то сочла нужным дать Маргарита Васильевна, вызвало в ней досаду, и она покраснела.

– В таком случае виноват. С Невзгодиным, конечно, тебе будет веселее! – произнес Заречный взволнованным голосом.

– Разумеется, веселее, чем с твоими профессорами.

– А ты, Рита, все еще в чем-то обвиняешь профессоров и главным образом меня? – чуть слышно спросил он.

Рита молчала.

– О, как ты жестока, Рита, – с мольбою шепнул Заречный... – Обвинять других легко.

– Я и себя не оправдываю! – ответила так же тихо Рита и

громко прибавила: – А ты Василья Васильевича не узнаешь?

Услыхав свое имя, Невзгодин подошел.

Бывшие соперники встретились сдержанно. Они раскладывались с преувеличенной вежливостью, молча пожали друг другу руки и несколько секунд глядели один на другого, не находя, казалось, о чем говорить.

Молодая женщина наблюдала обоих.

Она видела в лице мужа скрытую неприязнь и поняла, что источник ее – ревность. В Невзгодине, напротив, она не заметила ни малейшего недоброжелательства к мужу. Одно только равнодушие. И это кольнуло ее женское самолюбие. Она вспомнила, как страстно относился прежде Невзгодин к своему счастливому сопернику.

Наконец Заречный сказал:

– Вас, я слышал, можно поздравить, Василий Васильич?

– С чем?

– Вы женились.

– Как же. Совершил сей долг! – шутливо промолвил Невзгодин.

Тон этот не понравился Заречному.

– И, говорят, избрали карьеру писателя?

– По крайней мере, хочу попробовать.

– И будете жить в Москве?

«А тебе, верно, этого не хочется. Уже возревновал!» – подумал Невзгодин и ответил:

– Не решил еще...

– Надеюсь, мы будем иметь честь вас видеть у нас... Вы где остановились?

Невзгодин сказал.

– На днях я буду у вас, Василий Васильич.

С этими словами Заречный поклонился и отошел, далеко не успокоенный в своих ревнивых чувствах. Такие господа, как Невзгодин, легко смотрят на брак. Недаром же он выразился о своей женитьбе в шуточном тоне. И отчего жена его не с ним?

Тем временем Звенигородцев отыскал юбиляра на угловом диване и проговорил:

– Ну, брат Андрей Михайлыч, пойдем на заклание.

– Пойдем! – покорно ответил юбиляр, поднимаясь.

Звенигородцев на минутку остановил его и спрашивал:

– Кого посадить около тебя? Молоденьких дам желаешь?..

– Зачем же дам, да еще молоденьких? – смущенно возразил старик, озираясь: нет ли вблизи жены.

– Ты находишь это несколько легкомысленным для юбиляра?

– Пожалуй, что так...

– И, быть может, Варвара Николаевна этого не одобрит? – лукаво подмигнул глазом Звенигородцев и засмеялся. – Ну в таком случае ты будешь сидеть между своими сверстниками – коллегами... Или хочешь, чтоб около тебя сидела супруга твоя Варвара Николаевна? – спросил самым, по-видимому, серьезным тоном Иван Петрович, хорошо знавший, как по-

баивается Косицкий своей жены.

– Как знаешь... Я ведь сегодня собой не распоряжаюсь... Только удобно ли на юбилее устраивать семейную обстановку?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.